

ИРИНА ГОВОРУХА

Марта

из Идар-Оберштайна

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Особые отношения. Ирина Говоруха – звезда Фейсбука

Ирина Говоруха
Марта из Идар-Оберштайна

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Говоруха И.

Марта из Идар-Оберштайна / И. Говоруха — «Эксмо»,
2021 — (Особые отношения. Ирина Говоруха – звезда Фейсбука)

ISBN 978-5-04-159849-5

Эта история начинается в дореволюционном Киеве, куда из маленького немецкого городка переезжает молодая семья в поисках счастья и достатка. Но у жизни свои планы, и на страницах родовой книги Крюгер появляются первые записи. Три революции, две войны и смена четырех поколений. Любовь и измены. Ужасы концлагерей и оцепенение от прикосновения «ветра пушечного ядра». Долгий путь наследственных ошибок и призрачных надежд. Кто сможет расчитаться по счетам, выставленным самой судьбой, чтобы душа Марты из Идар-Оберштайна обрела долгожданный покой? В книге присутствует нецензурная брань!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-159849-5

© Говоруха И., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Февраль 1896 года	7
Глава 2	34
Сто лет спустя. 2000 год	34
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ирина Говоруха

Марта из Идар-Оберштайна

© Говоруха И., текст, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Посвящается моей маме, учительнице от Бога, а еще бабушке и дедушке, живущим на небесах

Глава 1

Марта

Все мы являемся звеньями в цепи поколений, и порой нам приходится, к собственному удивлению, оплачивать долги наших предков.

Анн Анселин Шутценбергер

В каждом из нас – десятки человек. Мы состоим из мам и пап, своячениц и деверей, прабабушек и прадедушек, оставивших после себя обрывочные воспоминания и выцветшие фото. Смотрим на мир их глазами и прихрамываем их стопами. Так же, как они, покусываем дужки очков, вскидываем руки или прячем их за спиной. Копируем фразы и праотцовские истины. Воспроизводим победы и поражения. Заимствуем рецепты.

От родовой памяти нереально отмахнуться. Вырезать ее ножницами, словно прохуdivшийся карман, или выжечь, будто ягоды земляники на разделочной доске. Все полученные коды, гены, необъяснимые страхи и повторяющиеся сценарии – важные составляющие нашей внутренней программы. Предки, находясь в параллельных мирах, продолжают возлагать на нас свои надежды и верить, что поможем им завершить незавершенное. Незахороненных – похоронить. Неотпетых – отпеть. Непрошенных – простить. Несчастливых – осчастливить. Неженатых – женить. Нерожденных – родить. Нелюбимых – отпустить, ибо нелюбовь имеет свойство размножаться в геометрической прогрессии по типу ржи, ежевики и улиток. На манер белых грибов, грызунов или пресноводных.

Все недосказанное прапрабабками предстоит произнести нам, праправнукам...

Февраль 1896 года

Поезд в губернский город Киев пришел с опозданием на два часа. Марта Карловна Крюгер – уроженка небольшого немецкого города Идар-Оберштайна, уже полностью одетая и модно причесанная, сидела с прямой спиной и вела себя с таким достоинством, словно находилась не в купе пассажирского вагона, а в ложе немецкого театра Отто Брамма на спектакле «Ткачи». С нежностью поглядывала на своего мужа. Тот поминутно распахивал полотняные занавески и возбужденно покашливал в платок с синим стерильным отливом. С восторгом комментировал главные железнодорожные мастерские, спящих работников, сугробы, напминающие залежи ореховой халвы, и само здание вокзала в виде английского замка. Оно казалось растянутым и основательно подъеденным паровозным дымом.

Экипажи, ожидающие состоятельных пассажиров вагонов первого класса, испытывали легкое беспокойство. Белые, вороные и гнедые лошади ритмично мочалили копытами воздух и попрошайничали. Дамы в плотных бархатных и поплиновых платьях, отделанных коротковорсным мехом типа каракуля и соболя, держались вместе под козырьком и привычно прятали руки в муфты. Их фигуры напоминали латинскую букву S благодаря тяжелым юбкам с турн-юрами и затрудняющим дыхание корсетам. Деревенские мужики в тяжелых шерстяных свитах и сардаках, папахивающие луком и кислыми щами, курили в стороне и сплевывали себе под ноги. Их бабы, озадаченные корзинами со снедью и малолетними детьми, с интересом разглядывали прибывший состав.

Неожиданно часы разродились обеденным звоном. В толпе кто-то набожно перекрестился и отвесил поклон. В чьем-то мешке закудахтала курица. С крыши, плотно утыканной декоративными башенками и трубами, оторвалась сосулька и рухнула вниз, чудом не зацепив женщину в норковом манто. Неподалеку, в ресторане «Россия», начали подавать очень личную рыбную селянку, а в «Северной гостинице» Афанасия Дьякова – блины с икрой.

Начиная с двенадцатого века германские купцы, стеклозаводчики, банкиры, сахарные фабриканты и металлопромышленники охотно селились на русских землях. Практически в каждом крупном городе – Петербурге, Москве, Новгороде, Пскове, Киевской, Харьковской и Черниговской губерниях существовали немецкие диаспоры. В Петербурге на набережной Обводного канала коммерсант Фердинанд Краузкопф из карминного кирпича выстроил фабрику под названием «Треугольник», и через каких-то пару лет вся Европа щеголяла в его фирменных галошах. В результате подобной деятельности английская обувная компания Mackintosh, расположенная неподалеку, не выдержала конкуренции и закрылась.

Австрийский подданный Гоффман на пару с русскими немцами успешно наладил табачное производство, предложив курильщикам папиросы «Барские», «Ира» и «Дюшес». Тонкие «Ферезли» и короткие «Антракт» – всего в три затяжки. Чуть позже – «Беломорканал», состав табачной смеси которых до сих пор держится в строжайшем секрете.

Потомственный дворянин Адольф Маркс основал первый еженедельный журнал для семейного чтения «Нива». В Москве на деньги немецких предпринимателей возвели евангелическую больницу, переименованную позже в Институт мозга, и возглавил ее немец-невролог Оскар Фогт. Со временем появились кондитерская фабрика «Эйнем», построенная двумя немецкими коммерсантами, котельный завод, многочисленные клиники и аптеки. В Киеве на углу улиц Крещатик и Прорезная Жорж Дортенман открыл кондитерскую «Жорж», интерьеры которой оформлял сам Михаил Врубель, прибывший писать орнаменты во Владимирский собор. В его витринах неприметную киевскую публику искушали шоколадные зайцы, трубочисты, гномы, револьверы, запряженные лошади и паровозы с вагонами. Так что немецкие мужи полным ходом занимались коммерцией, вмешивались в политику, осуществляли денеж-

ные и военные реформы. Сочиняли манифесты, учили, лечили, служили. Строили железные дороги. Организовывали свои слободы и кладбища. Свой особый мир.

Когда Марта услышала от Отто дерзкое предложение осесть в губернском городе Киеве и вывести банковское дело на новый уровень, обрадовалась. Во-первых, их ждало большое путешествие, во-вторых, женщина собиралась обучать детишек немецкому языку, в-третьих, готова была ехать за любимым хоть на край света.

Марта родилась в Идар-Оберштайне, спрятанном между волнистыми холмами и кутающимся в палантины тяжелых туманов. В его шахтах добывали яшму, горный хрусталь и агат, окрашивали кипящим сахарным сиропом и нанизывали целые мили бус. Украшали женские шеи, гибкие и негнущиеся пальцы, длинные и слегка загнутые мочки ушей.

Долгое время Идар-Оберштайн носил статус деревни и ничем не отличался от множества похожих между собой деревенок типа Бахараха или Мёльна. Ну разве что фахверковым домом постройки 1420 года и белесой церквушкой Фельзенкирхе, возведенной в отвесной скале. Со строительством фабричного района, занявшего несколько улиц, в Идар-Оберштайн хлынул поток рабочих и от размеренной упорядоченной жизни не осталось и следа. Одной из самых прибыльных стала фабрика Jakob Bengel, производящая подвески и цепочки для карманных часов, на которой отец Марты служил управляющим.

Девушка выросла в сплоченной семье. Изящная, светловолосая, с выразительными карими глазами и низким бархатным голосом. Выпускница гуманитарной гимназии, свободно владеющая греческим и латынью. Разбирающаяся в литературе, искусстве, этикете и ведении домашнего хозяйства. Ее мать, как и большинство *verheiratete frau*¹, занималась домом. Готовила, шила, проветривала подушки с одеялами даже в ощутимый мороз. Полировала резную мебель, вешала чуть влажные гардины, выгадывая на утюжке, и никогда не смывала мыло с тарелок – экономила воду. Вязала и вышивала салфетки. Высаживала розы. Орудиями труда ей служили швейная машинка, плита и корыто для стирки, а девизом – фраза «Аккуратность приносит прибыль».

Семья верила в Бога и исправно посещала Фельзенкирхе. Об этой церкви ходила легенда, впечатлившая Марту больше, чем секреты приготовления брецеля. Давным-давно, еще в двенадцатом веке, в замке Боссельштайн, находящемся над церковью, жили два брата – Вирих и Эмих, по несчастливой случайности влюбившихся в одну и ту же девушку, некую Берту фон Лихтенбург. Со временем Вирих узнал о романтических чувствах младшего брата и, не справившись с ревностью, толкнул его в окно. Берта досталась ему, но в придачу с адским чувством вины. Много лет мужчина страдал от тяжелого душевного груза. Молился, постился, делал пожертвования, но чувство облегчения не приходило. Во время очередной исповеди признался аббату в своем преступлении, а тот, почесав за ухом, посоветовал на месте трагедии построить часовню. Вирих со всей страстью приступил к строительству и, когда в часовенке закончили отделочные работы, попросил Бога подать ему знак о прощении. В ту же секунду из скалы забил источник. Парень наконец-то расслабился, ощутив забытый мир в душе, но в момент освящения капеллы умер прямо у алтаря. У бедняги не выдержало сердце.

Легенда не давала Марте покоя, в ее голове рождались все новые и новые вариации. Девушка боялась признаться самой себе, что тоже мечтает о самозабвенной и фанатичной любви двух мужчин, желающих любой ценой занять место другого.

Со временем на одной из весенних ярмарок в очереди за пончиками, присыпанными тальком сладкой пудры, девушка познакомилась с Отто. Молодые люди прогулялись вдоль слегка покосившегося фахверкового дома под номером 468, синей ювелирной витрины, полной сапфиров, отеля с больничным тюлем, не проснувшихся от зимней спячки деревьев-ось-

---

¹ Замужняя женщина (нем.).

миногов, и Марта констатировала свое первое в жизни головокружение. От Отто пахло музыкой, поэзией и свежестью горных плато. Он увлекался банковским делом и на каждой салфетке оставлял мелкие, напоминающие сборище насекомых цифры. Постоянно что-то прикидывал, подсчитывал, умножал. Был старше на десять лет и на десять Рождеств Христовых.

Вскоре молодые люди поженились и сняли квартиру недалеко от Рыночной площади. Всюду появлялись, держась за руки, каждую ночь занимались любовью, тщательно оберегая себя от детей, и посещали светские рауты. Далее сборы, переезд, полная смена декораций. Родители провожали дочь со щемящим сердцем. Мама изо всех сил следила за сухостью своих глаз, но прощалась как будто навсегда. Дочь смеялась, пересчитывала чемоданы и произносила странное:

– Мамулечка, не переживай! Я обязательно вернусь. Если не Мартой, то твоей внучкой или правнучкой. Какой-нибудь Ханной или Антье.

У родителей пуще прежнего вытягивались лица, а Марте, напротив, сказанное казалось очень забавным.

В дороге всегда сдержанная и немногословная молодая женщина безостановочно болтала: о контрастной зиме, изнывающих от зависти подругах и обещании привезти родителям знаменитый киевский торт от «Жоржа». Мечтала по утрам ходить на Бессарабский рынок за яйцами и желтоватым пористым молозивом, прогуливаться по Владимирской горке, покупать ноты в магазине Идзыковского и слушать в Доме купеческого собрания оперу «Ночь перед Рождеством». Делилась вычитанной накануне информацией об изобилии заводов в Киевской губернии: шесть стеклянных, четыре суконных, один мыловаренный, восемь свечных и пять фаянсовых. Остальные, типа кожаных, кафельных, кирпичных и чугунолитейных, ее не интересовали. Хвалила киевлян за успехи в свеклосахарном производстве и журила за увлечение трактирами. Шутка сказать, питейных заведений больше двух с половиной тысяч! Приставала к мужу насчет его коммерческих планов, и тот философски замечал:

– Мало прицелиться, нужно еще и попасть. Вот приедем, устроимся и посмотрим, что получится из нашей «авантюры».

Доставал свой кожаный блокнот и сеял столбиками цифр, словно семенами моркови. Марта в это время рассматривала священников и обедневших сельских дворян, стоящих в длинной узловой очереди за кипятком. Они набирали полные чайники и котелки и торопливо возвращались в вагоны, чтобы вар под натиском лютых морозов не успел остыть. Пассажиры вагонов первого и второго класса кубковую² игнорировали, неспешно обедая в ресторанах, организованных при каждом крупном вокзале. Помимо этого, женщину подкупал суровостью местный февраль. Дома месяц казался мягким, практически пластилиновым, а здесь – кривые дороги и морозы-трескуны. Ноющие из-за смены ночных и дневных температур деревья. Обледенелые стога. Сосульки-переростки. Концентрированная синева, окрашивающая сугробы, изморозь и поднебесье. Марта даже не предполагала, что кургузый месяц может иметь такие разительные контрасты.

Поезд двигался с купеческой важностью. Сперва – паровоз, за ним – багажный вагон, выкрашенный в коричневый. В нем тряслись многочисленные тюки, чемоданы, саквояжи и ридикюли во главе с главным кондуктором и багажниками, требующими по три копейки за место. Следующим шел зеленый с треугольной вывеской «Почтовый», и только потом цепляли пассажирские. Марта и Отто путешествовали в синем четырехосном вагоне первого класса, отделанном полированным красным деревом. Спали на подушках из лебяжьего пуха, укры-

---

² Помещение железнодорожного вокзала для подготовки горячей воды.

вались белоснежным бельем, ходили по бесшумным коврам. В воздухе витал запах дорогих сигар, французских парфюмов и мокрого меха.

Желтые, не менее комфортные вагоны, невзирая на отсутствие лебяжьих перин, занимали пассажиры второго класса. Зеленые перевозили крестьян, фабричных и интеллигенцию. В них, вжавшись в узкие неудобные полки, народ дышал махоркой, квашеной капустой, ржаным хлебом и сапожным духом. Спал вповалку, и под утро на стеклах выступал белесый слой не то пота, не то хереса. В переполненных серых путешествовала самая нищенская публика, объединенная пустыми животами и такими же карманами.

На вокзале семью прибывшего банкира встречал коллега. Парень сносно изъяснялся на немецком и вкратце рапортовал о здании вокзала, построенном по проекту Вишневого, и о платном проходе на перрон как для провожающих, так и для встречающих. Марта слушала вполуха, плотнее запахивая свое шерстяное пальто, Отто, напротив, шел нараспашку, придерживая рукой хомбург³. Его спину и грудь защищал от сквозняка лишь суконный жилет.

– Застегнись.

– Что ты? Жарко.

Их проводили в зал, отделанный дубовыми панелями, и напоили крепким чаем с шоколадными конфетами. В помещении разгуливал холод и не спасал камин с нервно-красными лентами внутри. К нему периодически подкатывала тележка, груженная углем, и служащий, становясь на колени, ловко забрасывал в него черные лоснящиеся брикеты.

Спустя несколько дней молодые люди сняли четырехкомнатную квартиру на третьем, самом престижном этаже одного из доходных домов на Фундуклеевской с подъемником, телефоном, электричеством, ванной, паровым отоплением, камином, хорошей мебелировкой и комнатой прислуги. Кроме того, в доме предлагались услуги посыльного, камердинера и швейцара. Доставка писем, газет и журналов, стоянка экипажей, гараж и холодильные камеры в подвальном помещении. В гостиной стандартный набор мебели: буфет из красного дерева, обеденный стол, покрытый плюшевой скатертью, и китайская ширма. В буфете – изящная посуда, серебряные сухарницы и многочисленные статуэтки в виде балерин и журавля, несущего в клюве завернутого в кружева младенца. Чуть левее – часы из розового фарфора и бюро для бумаг. Повсюду букеты свежесрезанных роз в старинных вазах.

Отто нанял прислугу – крепкую сельскую деваху, способную скоблить полы и стирать двадцать четыре часа в сутки. Она с готовностью выполняла всю домашнюю работу и даже проводила дезинфекцию комнат с помощью раскаленных кирпичей, политых квасом, мятой и уксусом. Чего ей не доверяли, так это стирку батистовых кружевных панталон, взбивание пудингов и приготовление кофе по-венски. Марта много раз закладывала при ней в воду две столовые ложки кофе и одну чайную вишневых ягод, доводила до кипения, отстаивала и только потом соединяла с горячим молоком и украшала взбитыми сливками. Прислуга кивала, преданно прижимала руки к груди, но продолжала варить помой, а вместо муссов подавать массу, напоминающую лыковый лапоть. Зато по воскресеньям прилично пекла смородиновые пироги.

Отто просыпался в семь, плотно завтракал бутербродами с копченой ветчиной и яйцами, выпивал две чашки крепкого кофе, смолотого на одну заварку, вприкуску с ореховым шоколадом и отправлялся на службу. Молодой человек придерживался мнения, что завтракать следует по-императорски, обедать по-крестьянски, а ужинать по-нищенски. Марта нежилась в постели часиков до десяти, затем выпивала чай с белой булкой и мармеладом и только к полудню принималась за хозяйство. Разбирала корреспонденцию, наводила уют, вышивала и крахмалила кружева. Дважды в неделю совершала променады на рынок, покачивая симпатичной корзинкой. Пообедав, прогуливалась по выложенной брусчаткой, широкой и солнечной Фундуклеевской

---

³ Мужская шляпа из фетра с продольным заломом наверху, загнутыми вверх полями и лентой по тулье.

вдоль женской гимназии, театра Бергонье и фабрики красок. Мимо табачных складов, магазина галош и общества полевых и узкоколейных путей «Паровозь». В писчебумажном заказывала мужу визитные карточки по семьдесят пять копеек за сотню, в кондитерской «Семадени» – карамель от кашля «Кетти Босс».

Для вечерних прогулок Марта с Отто облюбовали Бибиковский бульвар, Купеческий сад и Царскую площадь. Ужинали в «Метрополе» или ресторане «Париж», отдавая предпочтение яйцам кокот с пюре из шампиньонов и филейчикам из дроздов. Во время трапезы обсуждали первые летние Олимпийские игры, на которых великая Германия заняла третье место, и открытие пяти пивоваренных заводов. Бывали в кафешантане «Шато-де-Флёр», наслаждаясь поэтическими вечерами, акробатическими этюдами и фейерверками. Марта, раскладывая на платье салфетку, шепотом переспрашивала:

– Отто, мы точно можем себе это позволить?

Муж слишком быстро соглашался и заходил в очередном приступе кашля. Женщина поглаживала его напряженную спину и по возвращении домой привычно заваривала солодку, подорожник и чабрец. Разбрызгивала в жарко натопленной комнате терпентин, и Отто, закрыв глаза, ощущал себя в сосновом бору и даже наблюдал пугливую сойку с ее «рра-ах-рра-ах». В другие дни раскладывала пучки мяты или полыни, и тогда казалось, в их гостиную ворвался июльский луг со своими мягкими пригорками, насытившимися коровами и незатейливой берестовой мелодией пастуха. Следила, чтобы муж ни в коем случае не заходил в комнату с открытой форточкой – это считалось очень опасным, – и с нетерпением ждала жаркого восстанавливающего лета.

Несколько раз в месяц Марта страдала от сильнейшей головной боли и соблюдала постельный режим. Лучшие доктора уверяли, что ее заболевание хоть и не смертельное, но пожизненное, рекомендовали отдых в Карловых Варах, благоговейную тишину и полумрак.

Недомогание начиналось со смутного предчувствия и могло настигнуть за ужином после бокала красного вина, двух опрометчиво съеденных ядрышек ореха и случайно пролитого розового масла. Закрадывалось ночью между третьим и четвертым часом, накануне морозов, дождей, смены направления ветра. Сперва возникало состояние оглушения, будто в уши попала вода, мир тускнел и становился неубедительным. Картинка за окном расплескивалась, и появлялись круги, напоминающие блинчики. Тело наливалось тяжестью, а виски сдавливал мифический шлем. В такие минуты Марта не могла думать, смотреть вверх и слышать трамвайные звонки. Поэтому зашторивала окна, укрывалась по шею и несколько дней не вставала с постели.

Киев подкупал роскошью и разительными контрастами. На его улицах можно было встретить крестьян в лаптях и банкиров во фраках. Босоногих разносчиц молока и дам в отделанных лиственными гирляндами шляпках, с изящными мундштуками, от которых поднимался тонкий филигранный дымок.

Целые кварталы застраивались доходными домами, предлагающими квартиры на любой вкус и кошелек – от восьмикомнатных апартаментов до копеечных студенческих мансард. В строительстве использовали бетон и метод сварки металлических конструкций. Одновременно с Веной и Петербургом в Киев попадали европейские новинки. Парфюмерию везли из Парижа, вина – из Италии, швейные машины – из Германии, часы – из Швейцарии.

Город пыхтел фабричными трубами, тянулся вверх фешенебельными постройками, пахнул модным ароматом пачули, конским навозом, пирогами с рыбой, обрезками ветчины и стройно расцветшими ирисами. Выворачивал у горожан карманы и подстегивал жить на широкую ногу. Прикуривал с обязательным приподниманием шляпы. Активно освещался ночью – фонарики имели выходной только в полнолуние, варил в огромных чанах асфальт и спал вповалку рабочим классом, ноги которого пестрели емким: «Просто так не будить. Рабо-

таю за копейку». Выделялся пассажами, ломбардами, ресторанами, предлагающими пожарские котлеты, цветочными лавками и аптекарскими магазинами, торгующими, помимо лекарств, гуталином, уксусом, кремом для обуви и гребешками. По Крещатику бесконечной вереницей тянулись обувные и ювелирные бутики, магазины конфет и музыкальных инструментов. В «Центральной молочной» Тарасовой (Крещатик, 33) предлагали эксклюзивный кефир, а чуть дальше – «Балабушки» – знаменитое сухое варенье. В «Гранд-отеле» (Крещатик, 22) останавливались исключительно VIP-гости, а в кондитерской «Семадени» (Крещатик, 15) собирались толпы киевских коммерсантов и устраивали нечто наподобие биржи, ведя подсчеты прямо на мраморных столах. Модницы лакомились марсельскими фруктами, парижским драже, лучшим в городе кофе и незаметно присматривали себе богатых женихов.

В первый день лета Отто вернулся домой хмурый и отказался от ужина. По-стариковски опустился на стул, ослабил узел шейного платка и надсадно закашлялся:

– Случилось непоправимое. Об этом сегодня написали все газеты. Не будет Русской империи счастья. Плохо начал Николай Второй. Кроваво взошел на трон.

Мужчина зашелся в новом приступе, жадно глотнул воды, большая часть которой пролилась на пол, и продолжил:

– Понимаешь, он хотел сделать праздник для народа, но не учел масштабов нищеты, опрометчиво пообещав гулянье с дармовым спиртным и подарками: коронационной эмалированной кружкой, конфетами, орехами, полуфунтом колбасы и платками. В массах прокатился слух, что кружки будут наполнены серебром и золотом, платки разрисованы живностью, а обладатели рисованных коров получают живую скотину, и шли целыми семьями. Ковыляли старики и женщины с грудными младенцами на руках. К вечеру полумиллионная толпа выстроилась к прилавкам. Буфетчики испугались за сохранность своих палаток, начали швырять подарки в народ, и сразу возникла давка. Люди умирали стоя, не имея возможности прилечь. Многие матери пускали детей по головам, так как это оказалось единственным шансом на спасение. В считанные минуты погибли полторы тысячи. Конечно, Николай поступил очень порядочно, выплатив семьям погибших по тысяче рублей и покрыв все расходы на похороны, вот только не к добру все это, не к добру.

Лето вспыхнуло удушающим зноем, и Киев накрыло пылью. Горожане массово заколачивали ставни, грузили телеги и переезжали на дачи, пытаясь сбежать от непрерывного грохота строительных работ. Перебирались большими семьями в Бучу, Пущу-Водицу, в дачный поселок «Сан-Суси», Дарницу, Святошин, Боярку и тащили за собой добро: посуду, постельное белье, мебель, зеркала, книги, патефоны и даже пианино. Марта с Отто сделали выбор в пользу деревушки на берегу Днепра, балансирующей на наносных песках и окруженной лиственными и хвойными лесами.

Утром завтракали на веранде, удобно устроившись на камышовых стульях с шелковыми подушками, читали в газетах объявления об утерянном колье и продаже гиацинтов (десять копеек – за штуку, восемь рублей – за сотню), а вечерами играли в карты и крокет. Ходили в гости к таким же дачникам-соседям. Марта кормила мужа сливами, пытаясь унять его жар, и варила варенье: на кило слив – полкилограмма сахара, два бутона гвоздики, одна палочка корицы и две звездочки бадьяна. Оставляла на два часа для более тесного знакомства ингредиентов и поддерживала длительный медленный огонь.

Похудевший Отто, сухо покашливая, пил парное молоко и старался глубже дышать чистым деревенским воздухом. Искренне радовался введению в эксплуатацию Кильского канала и огорчался инцидентом на станции Шепетовка, в результате которого скоростно скончался от инфаркта министр иностранных дел России князь Алексей Лобанов-Ростовский, сопровождавший императорскую семью. А еще баловал Марту парадными кружевными пла-

тьями на контрастной подкладке и непревзойденными шоколадными конфетами из кондитерской Франца Голомбека.

В этой деревне жили необычные люди. Мнительные, наивные, трудолюбивые, не ведающие иных миров, кроме своих хат, огородов, вишневых садов, махровых мальв и плавней, поросших густым камышом. Варили кашу из чистого проса с привкусом орехов и травы, выращивали сладкую клубнику и верили в чудодейственную силу яйца в темной скорлупе, способного выкатать из человека страх. Главное, положить боящегося головой на восток, взять яйцо в правую руку и трижды прочитать «Отче наш», кланяясь в пол на слове «Аминь». Все блюда ели ложками, считая вилку «чертовым хвостом», в поле выходили с первыми солнечными лучами и радовались куриным дракам – значит, скоро гости.

Марта после вычурной городской архитектуры, величия Цепного моста, дома Некрасова и гостиницы «Националь», после вкуса засахаренного миндаля и трюфелей, роскошных туалетов из шелка, атласа, тафты и муара пыталась переварить шокирующую разницу между городом и деревней. Все хаты – с крохотными копеечными окнами и тяжелыми соломенными крышами. Вечно сохнувшие на изгороди горшки, напоминающие грибы-поганки. Воинственные петухи. Женщины, зажимающие между ног нижнюю юбку во время менструаций. Ватаги оборванных ребятишек, играющих в странные игры. Они лопали зеленые яблоки и рыли в низинах дерн, добывая неведомый «красный корень». С юных лет пасли скот, ездили в ночное, на сенокос. Самое интересное, чем беднее выглядел дом, тем больше в нем было детей. Как говорится, *Arme haben Kinder, Reiche haben Rinder*⁴.

Однажды Марта стала свидетелем жесточайшей забавы. Два оборванца взяли палками в клещи своего товарища и стали, видимо, в шутку, душить. Тот сперва возмущался, потом осел, покрываясь угрожающе синими пятнами. Она выбежала со двора и отбила несчастного. Кричала на немецком так надрывно, что потом три дня шипела гусем. Ребенок оклемался, проплакался, вскочил на ноги и отправился на речку купаться.

На следующий день наблюдала не менее жестокую охоту на суслика. Мальчишки вылили в норку два ведра воды, а когда бедняга выполз, повязали на шею бечевку и водили до тех пор, пока зверек не подох.

Вечером за ужином жаловалась Отто на халатное отношение взрослых к собственным детям. Муж кивал в сторону огородов и сгорбленных женских спин:

– Видишь поле? Для его обработки не хватит двух жизней. А дети – это такое. Нарожают еще.

Девушка с особым интересом присматривалась к сельским женщинам с тяжелой обвисшей грудью, выкормившей до десятка детей, и мягкими теплыми животами, не скованными бельем. Они ходили босиком до морозов и, казалось, интуитивно разговаривали с землей на каком-то архаичном языке. Их кровь и пот беспрепятственно орошали почву, волосы пахли любистком, мятой, куриным желтком и календулой, а руки – кефиром, сливочным маслом, кукурузной мукой и льняным волокном.

Сельские жительницы тесно соединялись с природой и жили скорее на ощущениях, чем опирались на знания. Вставали и ложились вместе с солнцем. Носили лен. Работали под дождем. Поднимали тесто молитвой, снимали боль зверобоем, кожей определяли печной жар и лечили простуду парами сваренной картошки. Никогда не слышали пение шансонетки Марии Ленской, которую недоброжелатели называли «женщиной-клоуном», не пробовали какао-порошка и не видели укротителя львов и тигров Рихарда Саваде. Не читали газет, будучи неграмотными, но выглядели счастливыми. За работой пели купальские песни, а когда не пели,

---

⁴ У бедняков – дети, у богатей – скот (нем.).

слушали колоратуры соловьев и шелест предрассветных звезд. Следовали приметам. Безоговорочно верили в Творца.

Марте нравилась деревенская жизнь с ее нерушимыми ритуалами. На рассвете выгоняли скот и отдавали пастухам, способным одним ударом бича перебить хребет волку и мастерски играющим на дудочке. После топили печи, уместающие до пятидесяти килограммов хлеба. Начинали косьбу, прополку, сеяние льна и сбор ягод. В зной дремали под копнами сена, но стоило солнцу сдвинуться чуть западнее, опять хватались за косы, лопаты, лейки, мотыги, вилы и грабли. Единственное, она тяготилась ощущением, что за ней кто-то наблюдает. Казалось, чьи-то глаза безостановочно сверлят позвоночник и подсматривают, как перебирает в тени щавель, сочиняет письма, собирает полевые цветы и сушит их в белой муке и манке. Куда бы она ни направлялась, за ней следовал чей-то внимательный, пытливый взгляд. В такие минуты женщина резко оглядывалась, но никого, кроме воробья, застрявшего в кусте кизила, не замечала.

Сентябрь уродился теплым, и, казалось, лето заблудилось, запуталось в рыбацких сетях, застряло воздушным змеем на кряжистой ветке и в неубранной картофельной ботве. Виноградные лозы клонило к земле, твердокорые тыквы жадно добирали солнце, появилось много грибов: лисичек, подосиновиков, белых. Созрели облепиха, калина, клюква, боярышник, брусника. Петухи облюбовали пыль для купания, и расплодились туманы. Они вплотную подбирались к санным дверям и дрыхли, свернувшись калачиком.

В октябре задождило, и молодая семья, упаковав зеркала и ковры с самоварами, вернулась в город. В первых числах ноября улицы засыпало снегом, горожане пересели с тарантасов в сани, а Отто резко сдал. Банкир с трудом передвигался по квартире, жаловался на удушье и разбитость и все реже ездил на службу. Марта старалась порадовать его любимыми клопсами, придумывала маршруты прогулок, но когда появлялась при полном параде, оказывалось, муж спит в кресле прямо в шапке и пальто.

Рождество встречали дома. Женщина все еще пыталась устроить праздник и украсила гостиную собственноручно вырезанными гирляндами. Запекла свинину с квашеной капустой, зарумянила вишневый штрудель и разлила по тарелкам суп с клецками. Сварила кофе. Отто, дышащий со звонким свистом, не смог нарядить елку и не купил ни одного нового стеклянного шара. Почти ничего не ел, с трудом сдерживал кашель, доставляющий нечеловеческие страдания, и бесконечно слушал камин. Марта, надеясь хоть немного разбавить тягостную атмосферу, спрашивала мужа о промышленном индексе Доу-Джонса. Тот задыхался и рисовал в воздухе ломаные линии.

В день, когда христиане праздновали Крещение, Отто больше не смог подняться с постели, взяв курс на тот свет.

Рано утром не сомкнувшая глаз Марта торопилась на Крещатик, 36, в хваленную всеми аптеку Адольфа Марцинчика. В ней можно было приобрести все, что угодно – от хирургических инструментов до ароматических вод. Любые лекарства, мыло для дезинфекции белья и хозяйственное, реактивы для сахарных заводов и фотолабораторий. Зубные эликсиры, пластыри, кислород.

Здание аптеки занимало часть тротуара, по которому сновали рабочие, солдаты и хозяйки с гогочущими гусями. Над головой болталась вывеска нотариуса Шенфельда, витали ароматы свежей сдобы и ваксы из сапожной мастерской. Белое, практически хрустальное солнце с обломанными лучами терялось на фоне такого же блеклого неба. Сосульки, чисто моржовые бивни, угрожающе нависали над головой. На засыпанной снегом брусчатке спотыкались лошади, таскающая за собой груженные сани. В воздухе звучало что-то возвышенное, напоминающее девятнадцатый вальс Шопена.

Марта влетела в темный предбанник и растерялась. В высоких шкафах столпились прозрачные колбы, зеленоватые бутылки с водкой «Аква-Вита» и кефир, изготовленный по методу доктора Дмитриева из кипяченого молока. К ней вышел провизор, и женщина на смеси немецкого и русского описала кашель мужа. Закашлялась сама и расплакалась. Тот ловко взболтал микстуру, потребовав за ее исполнение смешные деньги – всего четыре копейки, и порекомендовал хороший воздух южной Франции, а если нет таковой возможности, то только деревенский. А еще умеренность в еде и питье, разумное чередование сна и бодрствования, труда и отдыха, физического и умственного напряжения. Бульон из дичи, отварное сорочинское пшено⁵ и молоко только из-под коровы. И вообще, лучше избегать нечистоплотной трактирной толпы, не засиживаться в тесных почтовых конторах и забыть о магазинах и театрах. Служащий записал в пухлую тетрадь ее фамилию, количество пузырьков и цену, по которой лекарство отпустил. Марта ожила и мысленно наняла экипаж для возвращения в любимившуюся деревушку.

Спустя неделю они сдали ключи от арендованной квартиры и покинули город. Луна в тот день по-хозяйски прилегла на солнце, оставив лишь ободок, напоминающий обручальное кольцо. Снег затвердел камнем в результате оттепелей, неоднократно чередующихся с ночными морозами. Конь пробуксовывал, прихрамывал, тряс гривой. Телега скрипела. Из дыма-рей выгибался коромыслом дым и предвещал ненастье. Марта постоянно пробовала руку мужа под верблюжьим одеялом, обкусывала губы до ран и этими ранами силилась улыбнуться:

– Смотри, какая большая деревня, мы здесь будем в безопасности.

Извозчик, не оборачиваясь, комментировал:

– Дома в деревне считают не по количеству крыш, а по тому, из скольких дыма-рей поднимается дым. Как видите, топят далеко не в каждом.

Зима никуда не торопилась. Она то подсушивала землю до состояния старых человеческих локтей, то обсыпала снегом с дождем, будто стеклянными бусинами, наспех нанизанными на леску. Отто с трудом передвигался по дому и не притрагивался к еде. Служанка жарко топила печь, но он все равно мерз и выглядел уставшим. Со временем настолько ослаб, что не смог задуть единственную свечу на торте в день своего тридцатилетия.

Деревенский доктор отвел Марту в сторону и посоветовал крепиться, так как больному уже ничего не поможет. Ни усиленное питание, ни пешие прогулки длиной в тысячу шагов, ни «скучные занятия» типа переписывания нот. Объяснил специфику болезни, поражающей утонченных и порывистых. Одержимых страстью к разным наукам и умственному труду. Романтических и меланхоличных барышень, падающих в обморок от звуков раската грома и выстрела из ружья, а также интеллигентных юношей, не державших в руках ничего тяжелее «Тайн народа» Эжена Сю в четырех томах. Посоветовал исповедать умирающего, но женщина небрежно пожала плечами:

– Это ничего не даст. Невозможно одним махом сбросить копившееся тридцать лет.

Продолжила молиться своими словами и заваривать семя укропа. Муж послушно его принимал да так и помер со стаканом бледно-желтого отвара в руке.

В полночь начался первый день без Отто. Без двух чашек кофе с ореховым шоколадом и утренних газет. Без его платков, жилетов, чертежей, расчетов и временами извиняющейся улыбки. В доме стало надрывно тихо. Никто больше не кашлял, не шутил, не обсуждал городские новости о том, что на Подоле появился первый автомобиль вызывающего красного цвета, а его владельцем стал «колбасный король» по прозвищу Бульон.

⁵ Название риса до конца XIX века.

Сельские гробовщики сделали гроб на два размера больше, и Отто в нем осиротел. В углу копошилась почерневшая старуха, шелестя страницами. Марта в оцепенении сидела над мужем и не понимала, куда двигаться дальше. Она не имела ни друзей, ни связей, ни сбережений.

В день похорон разбушевалась верховая метель, и снежинки вытянутыми на скорую руку петлями соединялись в широкую, но дырявую шаль. Марта, стоя у разрытой могилы, напоминающей зияющую волчью пасть, равнодушно наблюдала, как замерзает ее сонная артерия. Охотно подставляла коронарную, позарез необходимую сердечной мышце. Справа и слева корячились деревья. Видимо, сливы. Она их узнала по низкой посадке. Ветер пытался сорвать кладбищенскую калитку и единственную оборку на траурном платье. Отхлестать по заиндевевшим щекам. Солнце болталось выпуклым четырехугольником. Кладбище царством мертвых невозмутимо взирало на царство живых.

Неожиданно подошел смутно знакомый мужчина в распахнутом тулупе и, не проронив ни слова, закрыл собой от непогоды. Когда почувствовал, что согрел, запрокинул голову и на чистом немецком не то вслух, не то про себя произнес:

– Вот и дождались Сретения. Весна будет поздней.

Марта, погруженная в свои обрывочные мысли, переспросила:

– Was haben Sie gesagt?⁶

Мужик кивнул, поменял ногу, пытаясь прикрыть ее от новой атаки ежистого воздуха:

– Ишь, злорадствует! Снег через дорогу несет. Весна, говорю, будет холодной и поздней.

Марта опустила голову и сдержала всхлип. Ей не было никакого дела до будущей весны. Кроме того, большой человек в тулупе и барашковой шапке, подбитой красным коленкором, мешал ей скорбеть. Он заслонял собой ледяное солнце, пургу, пришедшую не то с юга, не то с востока, и священника в надорванной рясе, нервно трясущего кадилом, словно люлькой с орущим младенцем. Женщину начало подташнивать от фимиама или от голода, ведь она не ела несколько дней.

Она подвигала плечами, пытаясь стряхнуть непрошеную заботу, но тот не уходил. Полез в карман за деньгами. Заплатил батюшке и двум нетрезвым мужикам, копающим могилы. Те оживились, зашаркали лопатами и приставным шагом приблизились к «волчьей пасти». Признав в нем хозяина, указали на гроб, словно спрашивая: «Опускаем?» Иван кивнул. У Марты подкосились колени, и он с силой повернул девушку к себе:

– И куда ты дальше?

– Weiß nicht. Werde hierbleiben. Ich werde nach Arbeit suchen⁷.

Он попытался поймать ее взгляд:

– Иди ко мне, за домом смотреть и за детьми.

Резко развернулся, бросил в могилу горсть мерзлой земли, и раздался звон, напоминающий по звуку пощечину. Тот, не обратив внимания на ее смятение, произнес на безупречном немецком:

– Die Hölle ist nicht so heiß, wie man sie macht⁸.

Повторил более настойчиво:

– Иди ко мне. И сыта будешь, и к нему поближе.

Марта выровняла взглядом медленно растущий холмик и отстраненно заметила:

– Я не умею топить печь.

Мужчина в тулупе сделал туманный жест рукой.

---

⁶ Что вы сказали? (нем.)

⁷ Не знаю. Останусь здесь. Буду искать работу (нем.).

⁸ Ад не такой раскаленный, каким его представляют (нем.).

В тот же день Марта закончила с делами Отто, рассортировав его бумаги и письма. Упаковала свои вещи, самое ценное отдала за долги. Рассчиталась с прислугой, подарив ей ска-терть с сутажом и несколько драпировок. Хозяину дачи оставила гобелен. Соседу, исправно чистящему у них снег, одеяло. Себе в память об Отто взяла трехкрышечные карманные часы.

Иван жил напротив и ждал ее у ворот. В сумерках мужчина показался еще выше, возможно, из-за снега, выросшего сугробом на подстриженной «под чуб» голове. Целый вечер хозяин чистил дорожки, чтобы не промочила подол, шикал на собаку и на болтающуюся без дела луну. Закрывал красные ставни. Пытался отсрочить заморозки.

Марта вошла в сени и огляделась. Большой сундук и плетеный ящик, видимо, для хлеба, веники лекарственных трав, ненавязчиво пахнущие летом, и несколько не уместившихся в сарае кос. Упряжь. Полка с кувшинами. Бочка, накрытая тряпкой. Резное коромысло. Деревянная лестница, прялка, широкая, видимо, хлебная лопата. Ночвы, в которых секли капусту, купали детей, разбирали свиные кишки, стирали белье и просеивали муку. Неожиданно скрипнула дверь, и выбежали гладко подстриженные дети. Мальчики. Одному на вид лет семь-восемь, второму – не больше трех. Глаза испуганные. Тревожные. Руки беспокойные. Кинулись на шею отцу:

– Батя, почему так долго? Мы волновались.

Затем разглядели женщину в душном платье и сделали шаг назад:

– Это новая работница?

Иван покачал головой:

– Знакомьтесь, ее зовут Марта, по-нашему Мария. Будет у нас жить и помогать по хозяйству.

Младший подбежал вплотную и потянул за рукав:

– Малия, идем на печь. У меня там целый галнизон.

Марта кивнула. Машинально переступила порог и уставилась взглядом в подведенную синим печь, украшенную по углам крестиками, виноградными гроздьями и цветами. Заметила хромоту малыша и вопросительно взглянула на хозяина. Тот нехотя ответил:

– В прошлом году попал под сани с дровами. Нянька недоглядела.

Полвечера женщина шаталась по хате без особого дела. Монотонно рассматривала «бабий угол» с кочергой, ухватом и сковородником, вешалку с тулупами и валенками, глинобитный пол, угольный утюг и угольный самовар на металлическом подносе. Деревянную доску для нарезки, по всей вероятности, овощей и глиняные горшки. Сечку для рубки капусты. Связку осенних лисичек и опят. Хаотично тянула на себя края вышитых рушников и щупала гладь. Пыталась забиться в холодный угол между верхней одеждой, подушками и постелью. Все искала точку, в которой не будет болеть. Иван со спутанной каштановой бородой смахивал на богатыря с незаконченной картины Васнецова. Первое время молча наблюдал за ее перемещениями, а потом полез в печь, достал чугунок и насыпал в глубокую миску пшенной каши, не обращая внимания на витиеватый, со сложным орнаментом пар. Разложил ложки, большие ломти хлеба и кивнул:

– Ешь. Когда ты в последний раз ела? – поднес ложку ко рту и подул.

За ним с жадностью набросились дети. У старшего не хватало двух пальцев на правой руке, и он, заметив настороженный взгляд Марты, огрызнулся:

– Чего уставилась? Отрубило топором.

Женщина не поняла. Хотела приласкать, но вовремя одернула ладонь. Мальчишка смотрел с ненавистью:

– Сражался с репейником. Я держал его за голову, а товарищ рубил топором и промахнулся.

Переспросила на немецком:

– Was ist mit den Kindern passiert?⁹

– Жена умерла, а на мне поле, сад, хозяйство. Нанял няньку, та не справилась.

Обратил внимание на ее сухую ложку:

– Чего сидишь? Ешь, говорю! Или брезгуешь? Конечно, это не сосиски и не рулька...

Марта подняла к потолку полные слез глаза, и Иван заговорил по-человечески:

– Прости. Это я так, от нервов. У меня есть настойка. Помянем?

Марта не ответила. Она смотрела сквозь, и ее взгляд с легкостью пробил стену, перепрыгнул через забор, ободрал локти и колени, скатился на знакомую тропинку и побежал вдоль старых могил, торопясь к свежему холмику.

Покончив с ужином, женщина лежала на жарко натопленной печи и вспоминала слова хозяина: «Кто сидел на печи, тот уже не гость, а свой». Понимала, что никогда не будет в этом доме своей. В дымаре повизгивал ветер. Снег месил свое зимнее тесто. Мальчики заглядывали отцу в рот, а тот, не спуская глаз с женщины, рассказывал:

– Февраль – самый короткий месяц, но именно в это время начинают гнездиться вороны. И знаете, какие они хитрюги? Строят поблизости сразу несколько гнезд. Одно крепкое, добротное, а остальные – тят-ляп. На скорую руку. Все это затевается с единственной целью – сбить с толку ястребов, повадившихся разорять вороны «дома».

Гнезда устраивают в развилке ветвей. Самое сложное – это закрепить первую палочку. Каждую нужно критически осмотреть, а внутри зашить лоскутами, клочками шерсти или ваты. Вообще-то они очень умные. Давят муравьев и втирают их в тело. Дружат с волками. Запоминают лица, особенно обидчиков. Чувствуют пристальный взгляд человека. Существует любопытное наблюдение: если разорить воронье гнездо, оно будет восстановлено, но стоит над ним натянуть две белые нитки, птицы никогда больше в него не сядут, даже если останется непо тревоженной кладка яиц.

Дети ерзали на лавках. Выглядывали в окна, пытаясь нащупать хитрые птичьи морды. Уточняли, испечет ли им Мария хлеб. Иван в который раз с нежностью поглядывал на маленькую женщину, забывшуюся в угол, и продолжал как ни в чем не бывало:

– В феврале поют свою первую песню овсянки и большие синицы. Раздувая щеки и выпячивая желтую грудь, бесконечное количество раз повторяют: «Зинзивер, зинзивер, зинзивер». В конце месяца улетают снегири, а медведица рождает маленьких, с кулак, медвежат. Лисы передвигаются парами и отрывисто лают. Волки дерутся за своих волчиц. Зайцы-самцы отчаянно пляшут перед зайчихами. Бобры взламывают лед и выбирают на свободу.

Неожиданно посреди его монолога раздалось звонкое мальчишеское:

– Папа, папа, а Малия никуда не уйдет?

Тот крикнул и растер свою грудь, будто хотел вытянуть из нее душу:

– Не уйдет. Ей некуда идти.

Малыш не унимался:

– И даже на небеса?

Ночь вползла на четвереньках и окурила дом чернильной тьмой. Иван уложил детей, убрал посуду, оставив на столе лишь хлеб. Подошел к иконам и дерзко взглянул на смиренного Иисуса. Хотел протянуть руку, но ограничился дружественным кивком:

– Давай договоримся сразу, на берегу. Ты отобрал у меня одну женщину, и я не оспаривал твое решение. Отпустил, нарядив в праздничное. Вот только эту тебе не отдам. Слышишь? Даже не рассчитывай.

---

⁹ Что случилось с детьми? (нем.)

Затем преклонил колени и привычно проямлил:

– Живый в помощи Вышняго.

Постоял возле Марты, спящей с ладонью под щекой, и залюбовался формами, напоминающими холмы Татарки. Поправил сползшее рядом. Неслышно прилег на лавку, но долго лежал без сна. Всякий раз, когда начинала сквозь дрему плакать, приподнимался и шикал, словно ребенку. Вспоминал...

Он вырос в малоимущей семье, у которой из богатства – полгектара песка, холодная хата, топящаяся по-черному, и дети. Как говорится, чем беднее, тем люднее. Вместо фруктовых деревьев – вечно сутулые ивы. Со всех сторон – плавни и крепкие, напоминающие карамельные трости камыши. Хатки бобров и выдр. Царство белых лилий и короткошеих цапель.

Семья бедствовала, но продолжала обрабатывать переполненную горячим сухим воздухом почву, рассыпающуюся под полотном лопаты порошковым табаком. На ней не родила ни картошка, ни огурцы, ни горох, разве что кислая алыча да невозможно терпкая облепиха, и годилась земля лишь для роста сосен, кленов и берез.

Их было пятеро: мать с отцом и три сына. На троих пацанов – пара юфтовых двухрублевых сапог, в которых ходили по очереди. Мать неграмотная, у отца – три класса.

Мать доставала из печи черный хлеб и коптила под потолком рыбу. Отец без конца занимался починкой то саней, то сетей. Парились в печи. Убирались перед Пасхой, вымывая не только стены, но и закопченные горшки. С нетерпением ждали лета, с завистью поглядывая на кусты соседской смородины. Гоняли в лес за ежевикой, лисичками, орехами.

По соседству выстроил дачу генерал и владелец доходных домов. Завез плодородную землю, невиданные кресла-качалки, установил флюгер и ставни. Посадил морщинистую розу, барбарис, боярышник, дерен белый. Неприхотливую, но бесконечно сладкую малину и крыжовник. Зимой вел дела в городе, летом рыбачил и слушал речитативы лягушек под крепкий чаек. Напиток могли себе позволить исключительно банкиры и меценаты, а простой люд довольствовался узварами, компотами, квасом и водкой, невзирая на предложение уездных трактиров весьма выгодной услуги – «чай и завтрак вместе». Гришка, младший брат Ивана, бегал генералу помогать. Копал червей, собирал шишки для растопки самовара, выполнял мелкие поручения. Сопровождал на рыбалку и радовался, когда удавалось вытянуть из воды хищное шучье тело. Перехитрить карпа или полуночника судака. Генерал относился к нему с теплотой. Привозил гостинцы: кафтаны, расшитые золотыми нитками, да глиняные свистульки.

Тем летом дача пустовала, хотя июнь уже заалел первыми смородиновыми ягодами. Гриша каждое утро выбегал на дорогу и пытался достать до горизонта. Ждал. Неожиданно вместо соседа явился поручитель с письмом, в котором говорилось о желании генерала оплатить мальчику учебу в гимназии и университете. Мать всполошилась, побежала за советом к священнику, и тот велел ребенка отпустить. Григорий уехал и получил блестящее образование. Выучил языки, фехтование, арифметику. Увидел Париж и оценил луковый суп. Вступил в наследство, став полноправным хозяином доходных домов, и купил братьям по пятнадцать гектаров плодородной земли. С тех пор все пошло по-другому. Они наняли работников, разжились и стали печь пшеничные блины с салом не только в храмовые праздники, но и по воскресеньям.

Посреди ночи Марту окликнули:

– Вставай, уже третьи петухи пропели.

Она испугалась, резко села и ударилась головой. Возле нее уже полностью одетый стоял Иван. На столе коптила свеча.

– Который час?

– Около четырех.

Женщина послушно опустила ноги на пол, ежась от холода.

– Warum so früh?¹⁰

– Печь топить.

Одернула платье. Он покачал головой:

– Оно тебе больше не пригодится.

Полез в ее обтянутый сукном чемодан, выудил непрактичные туфли на каблук, сумочку для салфеток и пудры и швырнул в угол. Взамен достал из сундука грубую нижнюю рубашку, корсетку, плахту, запаску, кожаные сапоги из недубленой овчины и новые черные сапоги.

– Надевай.

Марта безропотно стала натягивать чужое, понимая, что оно висит на ней, как на вешалке, и шептать:

– Sehr nett von dir, – что означало «Очень любезно с вашей стороны».

Иван поморщился:

– Будет тебе. А за наряд не переживай. Ушьем или поправишься. Еды не жалко, – и кивнул в сторону иконостаса. – Помолишься?

Марта отвернулась от икон и закрыла глаза:

– Unser Vater in dem Himmel! Dein Name werde geheiligt. Dein Reich komme. Dein Wille geschehe auf Erde wie im Himmel¹¹.

Иван стоял чуть в стороне, опустив голову и проявляя уважение к ее молитве. Не шелохнулся, пока не услышал: Amen. После этого подошел к печи, любовно погладил и отодвинул заслонку.

– Смотри, дрова я сложил с вечера, чтобы хорошо просохли. Сперва два полена вдоль, на них поперек еще два, сверху пять-шесть поленьев. Получается клетка. Теперь под поленья к поду просовываю горящие сухие лучинки. Когда разгорятся, сдвигаю большим ухватом или кочергой вглубь к задней стенке, освобождая место для горшков и чугунов. Ist klar?¹²

Марта кивнула, хотя было непонятно. Тот заметил ее растерянность:

– Ничего, привыкнешь. С самого утра с печью следует здороваться. Для этого достаточно приложить руку. Во время горения периодически вороши огонь кочергой. Кочерга – это такая палка, напоминающая цифру семь. Топишь до рассвета, часа три, и только потом начинаешь готовить. На щи, кашу, хлеб у тебя целых четыре часа. Главное условие – горячие стенки и догорающие угли, тогда блюдо не сгорит. Достают чугуны ухватом. Вот он, похож на рога. Ясно?

Заворочался младший. Марта бросила ухват Ивану на ногу и кинулась к ребенку. Подоткнула одеяло, погладила по голове и зашептала на своем:

– Hush, hush, baby.

Первое время у нее ничего не получалось. Огонь гас, хлеб не пропекался, а в борще плавала сырая свекла. Дети не слушались, рубахи не отстирывались, голова болела. Неподъемные чугуны переворачивались, и варево выливалось прямо в яркие гранатовые угли. Марта плакала. Иван молча усаживал женщину на лавку, дул на обожженные руки и не то обнимал, не то отталкивал. Объяснял в десятый раз: жарить следует у устья, варить в горниле, подогревать на шестке. А еще любое блюдо следует хорошенечко потомить.

– Не переживай. Печь любит терпеливых, но требует сноровки. Она не выносит резких движений, стука и сквозняков. И запомни намертво: поставила чугунок – закрыла заслонку. Тогда весь жар останется внутри.

---

¹⁰ Почему так рано? (нем.)

¹¹ Молитва «Отче наш» на немецком языке.

¹² Понятно? (нем.)

Марта соглашалась, прилежно таскала горшки, полоскала в речке рубахи и лепила вареники с тушеной капустой, напоминающие снежки. Бегала на могилу к Отто и рассказывала о своем бытии. Возвращалась опустошенная, с отсутствующим взглядом надевала фартук и принималась за починку одежды. Когда первый блин не пожелал отлипнуть от сковороды, хозяин утешил:

– Ничего, первый блин комом.

Марта не поняла и произнесла свою поговорку, точь-в-точь повторяющую смысл сказанного:

– Anfang ist kein Meisterstück¹³.

К печи Иван относился с большим уважением, будто к живому человеку, и эту философию старался привить детям, без конца напоминая: «У холодной печи не согреешься». Возвращаясь с поля или из города, первым делом гладил ее теплый расплывшийся бок. Утверждал, что она все понимает, поэтому, когда готовишь, должна думать только о блюде и ни о чем больше. Рекомендовал первую ложку скармливать огню и только потом есть самой. Детям строго-настрого запрещал плевать в печной огонь, а то рот покроется язвами. И вообще, молодому парубку не следует лишний раз заглядывать в устье, а то не вырастут усы. Предупреждал: выпадет из печи кирпич – не к добру, зальешь ее водой – отнимутся руки, а если бросить в пламя волосы с гребня – догонит мигрень. Марта указывала на свою измученную болью голову и клялась, что ничего не бросала. Тот, казалось, не слышал:

– И вообще, печь – центр дома. На ней рожают и умирают. Болеют и выздоравливают. Согревают новорожденных телят. Лечат простуду. Сушат одежду, ягоды и грибы, а после похорон греют руки над огнем, чтобы случайно не занести в дом «вечный покой».

Позже, отправляясь к колодезю за водой, не раз слышала болтовню баб с коромыслами, обсуждающих секреты белой и черной магии. Они шептались о правилах работы с печью только в женские дни – среду, пятницу, субботу, но если нужно приворожить мужика, то лучше это делать в мужской день. Для белых обрядов топят березой, а для черных – осиной. На вызов духа закрывают заслонку. На вызов человека – открывают. Заговоры надлежит читать на огонь в поддувало, стоя на коленях в ритуальной рубахе, надетой на голое тело. В этот день нельзя готовить еду.

Солнце в деревне почти никогда не спало. Вернее, дремало несколько часов, резко вскакивало и ошпаривало выстуженный горизонт. На него не разрешалось показывать пальцем, иначе тот усохнет. Ни одну хозяйку оно не должно застать в постели. Ведь до рассвета следовало умыться, помолиться, затеять завтрак, а с завтраком одновременно и обед.

В доме ориентировались по петухам. Иван все пытался обучить этой премудрости Марту:

– Петухи поют трижды. Первые – около часу ночи. Вторые – к двум. Между вторыми и третьими встревает иволга, этакая мяукающая флейта. Третьи петухи – перед самым рассветом, около четырех. Для тебя это знак – нужно вставать. Если не поленилась и сразу растопила печь, все намеченное успеешь сделать. Моя жена-покойница в этот момент произносила: «Петух кричит – мне удачу сулит, ему овес да громкое пение, мне в делах везение».

Марта мяла свой подбородок, будто хотела вылепить из него балабушку, и Иван оживлялся еще больше:

– Как птицы определяют время? А черт его знает! Я слышал, что ориентируются по звездам и никогда не пропустят созвездие Киль. О них еще говорят как о птицах, смеющихся на рассвете. Различают геометрические фигуры, цифры, способные спугнуть нечистую силу, поэтому после третьего соло наконец-то становится безопасно. Если верить преданию, конец света наступит в то утро, в которое петух не пропоет свое знаменитое «ку-ка-ре-ку».

---

¹³ Начало – не шедевр (нем.).

Женщина недоверчиво качала головой и заправляла за ухо выбившуюся светлую прядь. Иван жадно следил за каждым ее движением и нервно облизывал губы.

– А знаешь, какая курица у петуха самая любимая? Самая несчастная. Он с ней настолько часто спаривается, что бедняжка от подобного внимания хиреет. А вообще-то, он еще тот чемпион! Топчет несусешек раз сорок на день.

В этот момент подключались дети:

– Папа, а расскажи про жареного петуха!

Иван вспыхивал, брал Марту за руку и усаживал на лавку, мол, отдохни. Сам бросал в ушат с холодной водой раскаленные докрасна камни, добавлял ольховую золу и затевал стирку.

– Опосля Воскресения Христова еврейская девочка пришла к своему отцу и призналась, что видела воскресшего Спасителя. Старый еврей, человек тертый и осторожный, не поверил: «Он тогда воскреснет, когда жареный петух запоеет». В ту же минуту жареный петух сорвался с вертела, взлетел и закричал.

Дети подпрыгивали на лавках и переспрашивали:

– Точно так было?

Иван с осторожностью погружал в кипяток женскую рубашку и уклончиво отвечал, пряча улыбку в усы:

– А кто его знает...

Марта петухов боялась. На птичьем дворе заправляли два бойца и бесконечно топтали свою кудяхающую гвардию. На каждого – по шестнадцать несусешек. Один из хвостатых «воинов» особо остро чувствовал ее страх и без конца буянил. Метил острым клювом под колено, в щиколотку, пятку. Однажды подкрался, выпрыгнул женщине на спину и взял курс на глаза. Иван отреагировал моментально, схватил драчуна за лапы и окунул в бочку с холодной водой. Тот мигом растерял бойцовский задор, но через две недели снова принялся за свое. Иван больше не церемонился. Бросил наглеца на колоду и одним взмахом топора отсек ему голову. Марта не успела испугаться, как обезглавленная тушка побежала трусцой вдоль забора, в последний раз вздохнула и аккуратно улеглась на бочок. Женщина бросилась Ивану на шею и прошептала:

– Tausend Dank¹⁴.

Тот сглотнул и прохрипел:

– Я не могу тобой рисковать.

Дни неслись галопом. Марта путала день с ночью и страдала от мышечной и головной боли. У нее ныли шея, спина, поясница и ноги, начиная от бедра. Она никогда столько не работала и даже не представляла, что человек способен на подобный физический труд. Одно дело перетекало в другое, и Марта послушно штопала, ворочала в печи кочергой, таскала на плечах кленовое коромысло с двумя ведрами воды, а на лопате, присыпанной сабельками аира, – овальные хлеба. Мела помелом из сосновых лапок раскаленный под¹⁵ печи. Варила свиньям мелкую, величиной с грецкий орех, картошку. Изредка рассматривала свои опухшие от тяжелой работы пальцы и понимала, что больше не способна удержать иголку и сделать лепестковый стежок. У них дома все женщины вышивали изящно белым по белому на батисте, тюле, муслине, органзе, льне. Хранили целые альманахи и карманные книжечки с узорами – россыпями крохотных бутонов и ришелье, а здесь ели из одной миски или сковороды и никогда не пользовались вилками, блюдами, ножами, розетками и стаканами. На десерт – овсяные кисели. Мед и варенье только в праздники. Лишь ночами могла вспоминать свою прежнюю жизнь. Ноты. Белую церквушку в скале и полудрагоценные камни. Мамино «аккуратность

---

¹⁴ Тысячу спасибо (нем.).

¹⁵ Горизонтальная поверхность (дно) в печи, на которую выкладываются дрова.

приносит прибыль». Оживленный Крещатик. Абсолютно здорового Отто в суконном жилете. Хор четырнадцати ангелов из «Гензель и Гретель». Венский кофе в приземистой фарфоровой чашке. Венецианские фонари, абажуры, какие-то проходные комнаты с мебелью из черного дерева, обитые синим шелковым штофом. Забавные рекламные стихи, сочиненные самим Семадени:

*Зимний вечер... Скучно что-то...
И вот лампы пали тени...
Мне развлечься есть охота...
Не пойти ли к Семадени?*

С восходом солнца все начиналось заново: дрова, квашня, побелка, потрошение кур, обеденная, упревшая до красноты картошка и непослушные мальчишки, уминающие кушанье за обе щеки.

Иван незаметно к ней присматривался и все больше проникался уважением. Женщина имела тонкие черты лица, изящные кисти и узкие стопы. Осиную талию вместо привычного бабьего желейного живота. Она постоянно молчала, а когда зевала, прикрывала рот. Никогда не простаивала у забора, перемывая кости соседям. Не выясняла отношения, не кляла упрямую козу, не звала зычным голосом обедать. Просто наклонялась к уху, щекотала дыханием: «Обед на столе». Не сплетничала в церкви, вычисляя, кто из прихожанок ведьма, не страдала излишним любопытством и не соперничала с соседями, соревнуясь в лучшем куличе. Она находилась чуть выше остальных, и ее постоянно хотелось рассматривать. В солнечных и лунных лучах. Во время штопки. В момент заваривания боярышника и бузины.

Мужчина начал прихорашиваться, надевая поверх рубашки серый однобортный шерстяной жилет, и неуклюже ухаживать. Приносил с полей первые подмерзшие цветы, а из города – гостинцы. В одну из поездок купил коралловые бусы и золотые серьги за целых три рубля. Ведь негоже и даже грешно молодой женщине ходить без серег. С восторгом описывал увиденный красный «Мерседес», особняк Славянского, напоминающий московский терем со множеством парапетов и горниц, и доходный дом присяжного поверенного и виноторговца Бендерского:

– Ты только себе представь это великолепие. Издалека напоминает ажурную скатерть, сплетенную из тысячи рельефных, выпуклых и вогнутых столбиков. А какие колонны, лепка, башни!

Марта кивала, высоко поднимала сито, пылила мукой и рисовала пальцем описанные Иваном загогулины. Мысленно возвращалась к Отто, нахваливавшего тот самый особняк, когда он еще только строился, а реклама в киевских газетах уже обещала шестикомнатные апартаменты в аренду за две тысячи рублей.

В тот день мальчишкам досталось невиданное лакомство – сухое варенье, стоившее сорок копеек за пакет. Отец подчеркнул: такие деньги получают грузчики угля за целый день работы. Дети богобоязненно делили поровну кусочки фруктов и ягод, сваренных в меду, и пытались угостить Марту. Женщина не могла проглотить ни кусочка и с тоской вспоминала, как подобную сумму еще полгода назад они с Отто отдавали за входной билет в «Шато-де-Флёр» даже не задумываясь.

Она преданно следила за детьми. Оберегала от кипящих чугунов, талой воды, испуганных лошадей. Не отпускала на колокольни, на речку и крышу. Младший ходил за ней по пятам, а старший со временем тоже принял и начал делиться произошедшим в школе. Как-то раз признался в ненависти к Закону Божьему и пожаловался на учительницу, регулярно таскающую за уши, ставящую на колени на верхние ребра парты и оставляющую без обеда. Вчера, к примеру, поколотила указкой за то, что не смог прочитать слово «благодетель». Марта с трудом

дождалась вечера, усадила Ивана под иконами и предложила учить ребенка дома. Тот сперва заартачился, принял сторону учительницы, но женщина удивленно подняла вверх одну бровь:

– Что бы ни случилось, всегда стой на стороне ребенка!

За ужином Иван рассеянно ел картошку в мундире, высыпанную горкой на стол. Рьяно макал в соль, кусал на манер яблока и сверлил взглядом не то шесток, не то подпечник. Чисто умытые и притихшие дети в этот раз не донимали вопросами. Не толкались локтями и не просили Марту повторить рождественский стих: *Advent, Advent, ein Lichtlein brennt...*¹⁶ Под конец ужина хозяин кивнул: «Будь по-твоему» – и нанял на обработку огорода вдову, жившую по соседству. Свободная теперь от бесконечных полевых работ Марта стала давать мальчишкам уроки письма, арифметики и немецкого языка.

В апреле, когда снег размяк и стал напоминать маргарин, показались макушки крокусов, а лед раскололся на многоугольники, Иван провел обряд «отмыкания земли». На следующий день деревню огрели поздние заморозки, и семья для согрева легла вся вместе. Печь нехотя постанывала, хотя хозяин уже дважды подбрасывал дрова. Дети кашляли. Марта попеременно выпаивала их отваром из коры калины и чаем с мать-и-мачехой. Прикладывала к тощим грудям лепешки из меда, масла и муки, а сверху – толстый слой старой ваты. В полночь упала без сил и затряслась не то от усталости, не то от холода.

Иван тоже не спал. Его будоражил запах Марты, ее учащенное дыхание и изящный силуэт в свете половинчатой луны. Каждый ее жест, шаг, покачивание бедер. Встав в очередной раз расшевелить печь, прилег не с противоположной стороны, а рядом. Обнял, пытаясь согреть всю-всю: и плечи, и грудь, и ледяные стопы. Она напряглась, подобралась, притворилась мертвой. Иван, не в силах больше сдерживаться, резко развернул ее и поцеловал. Его губы, невзирая на окантовку из усов и жесткость бороды, оказались теплыми, настойчивыми, с привкусом лесного ореха. Женщину будто окатили кипятком, и неожиданно для себя она ответила на поцелуй.

Иван зарылся в точеную шею и ощупал кожу языком, оставляя вмятины. Шепнул на ухо непонятное «шаленію від тебе» и назвал «крихтою», «полуницею», «скарбом». От него пахло табаком, холодной полынью, ладаном, золой, керосином. Его огромные мозолистые руки нервно двигались под сорочкой, а добравшись до груди, сошли с ума. Обласкали соски и розовые ареолы, решительно спустились ниже, задевая нежную выпуклость живота и абсолютно гладкий лобок. Не поверив ощущениям, сбросил одеяло, подсветил лоно луной и обезумел. Марта вспомнила о своей особенности и стыдливо сжала ноги.

Она привыкла, что муж играл на ее теле, как на скрипке, легкую жигу или мюзет. Зате-вал фигуристую прелюдию, прижимая закругленными подушечками пальцев фибры, словно струны к грифу. Аккуратно проникал, не доставляя ни особого дискомфорта, ни удовольствия. Этот действовал по-другому. Властно подминал под себя. Зарывался лицом то между грудями, то между бедрами. Заполнял без остатка. Женщина впервые ощущала себя внутри тесной, ранимой, слишком отзывчивой и рьяно отвечала на ласки, забыв обо всем на свете. О смерти Отто, приболевших детях и агонии зимы. О том, что над головой – чужая соломенная крыша, на столе – непривычный по вкусу хлеб, а на иконах – совсем не тот Бог. Неожиданно Иван сменил траекторию движений, обнаружив внутри крайне чувствительную точку, и стал двигаться прицельно. Марта сперва растерялась от неожиданных ощущений, а потом запрокинула голову и вскрикнула.

Утром женщина усердно прятала глаза. По-прежнему беседовала с печью, колдовала над борщом, выжаривала сало, разыгрывала кочергой мелкие угли. Шелестела картофельными очистками и луковой шелухой. Подолом. Старалась двигаться бесшумно, чтобы не разбудить

¹⁶ Адвент, Адвент, горит маленький свет... (немецкая рождественская песня).

детей. Трогала их лбы и радовалась спавшему наконец жару. Иван выглядел счастливым. Едва перекрестившись, побежал за водой и наносил полную бочку, зная о еще не до конца освоенном коромысле. Накормил скотину. Сменил шапку на весенний картуз и сбрил бороду. Марта впервые увидела его волевой подбородок, белозубую улыбку и красиво очерченные губы. Всякий раз, заходя в дом, ласкал женщину взглядом, продолжая начатое ночью. Пытался заглянуть в глаза и убедиться, что не жалеет и наслаждалась так же, как и он. Марта упрямо поворачивалась спиной, а потом подошла вплотную и попросила:

– Купи, пожалуйста, саженец сливы.

Он растерялся, ожидая от женщины более важных слов. Вместо этого она села у окна перебирать гречку.

– Любишь сливы?

– Просто слышала, если хочется покаяться, но не желаешь делиться своим грехом со священником, следует посадить сливовое дерево.

Иван сжал кулаки и выбежал во двор, хлопнув сенной дверью, но с того дня каждую ночь ложился рядом, заставляя снова и снова ощущать нечто схожее с прорывом плотины или движением волны, достающей гребнем до верхушки скалы.

В Вербное воскресенье землю укрыл ситец из зеленой травы, и Иван купил для Марты вышитую сорочку с пышными рукавами, корсетку, плахту и запаску. Все новое, дорогое, по размеру. Когда оделась, залюбовался и сравнил красоту с красотой икон Иверской и Казанской Божией Матери. Все также помогал по дому, что было не принято: чистил картошку, стирал, прячась за печью, учил ее украинскому языку и учился у нее немецкому. Содействовал в мытье головы свекольным квасом или водой с травами и веткой святой вербы. Помогал вязать очипок¹⁷ и кибалку¹⁸. Марта благодарила и при случае бежала в «царство мертвых» к деревянному кресту. Обнимала его двумя руками и шептала покаянное:

– Любимый, ты не подумай. Я его не люблю. Меня нельзя заставить любить.

Отто уже ничего не думал. Его душа была далеко и в то же время очень близко...

К лету Марта научилась ходить босиком и перешла с землей на ты. Потихоньку освоила язык цветов и птиц. Раскрылся мак и шиповник – пора топить печь. Распустился картофель – значит, уже шесть утра. Вьюнки спрятались – к дождю, лужи окрасились в зеленый цвет – к засухе. Женщина стелила на Троицу аир и обряжала с детьми купальскую Марену. Для ингаляции приловчилась использовать раскаленный кирпич, внутрь которого прятала лекарственные травы. Для компрессов – угольный порошок, смешанный с тертым картофелем. Подружилась с печью и научилась с ней разговаривать, точно с человеком. Блюда, требующие долгого томления, теперь ставила в самую глубь. Ягоды парила. Молоко топила. Пшеничную кашу оставляла на всю ночь. Рисовую доводила до легкой розовинки. Прежде чем ставить противень с пирожками, распыляла горсть муки. Горит – значит, для пирогов еще слишком жарко. Разобралась с овсяными блинами и сковородниками. Освоила выпечку хлеба и, отправляя его в печь, ненадолго поднимала подол, а готовность определяла по звуку. Играет бубном – значит, пропекся. Приловчилась к коромыслу и теперь за водой ходила правильно: два ведра – в левой руке, коромысло – в правой. С особым удовольствием кормила пшеникой несущек и делала это так грациозно, будто не сорила крупой, а рисовала ею картины или серебрила пруд. Ее лицо, непривычное к загару, обветрилось, а кожа рук загубела из-за бесконечного мытья посуды солью, песком и листьями лопуха. Пол приходилось смазывать разведенной глиной, терпеливо

---

¹⁷ Обязательный головной убор замужних женщин в дореволюционной Украине.

¹⁸ Традиционный украинский женский головной убор в виде высокой повязки с двумя длинными концами, которые падали на спину.

ждать, когда подсохнет, и только потом стелить тканые дорожки и раскладывать между ними чабрец.

С первого июньского дня работы стало в разы больше. Поспевала ягода, созревала пшеница, настаивала на прополке свекла. Марте казалось, стоит только положить голову на подушку, тут же распеваются ненавистные петухи, требующие начинать заново топить, варить, томить, мести, собирать, перебирать, штопать. Без передышки, без продыху, невзирая на мигрень.

Однажды соседку по прозвищу Чирка, обладающую остро заточенным языком, укусила пчела, и она прибежала одолжить меда, чтобы смазать ужаленное место. Завидев Марту с полотенцем на голове, насмешливо заметила:

– Врешь ты все. В голове нечему болеть.

Иван моментально вступился:

– А ты знаешь, какой сегодня день?

Та крепко задумалась:

– Кажись, второе июля.

– Правильно. Сегодня Зосима. Время, когда пчела жалит только больших грешников.

Тетка покраснела и впервые не нашлась с ответом.

В заботах и делах пролетели Петров и Успенский посты, во время которых принято просить прощения. Иван усадил детей с Мартой на лавку и опустил перед ними на колени:

– Простите за тяжелый нрав, за то, что мало вас балую и приходится работать на износ.

Затем взял руку любимой и провел ею по своим глазам:

– Прости, что без особого спроса занял его место и свалил на тебя столько забот. Что не могу сводить в театр, купить юбку с турнюром, кожаные сапожки на пуговицах и штиблеты для выхода в дождь. Повести в ресторан при отеле «Английский» и угостить стерлядью и мороженым с фруктами. Обеспечить жизнь, к которой привыкла.

Дети покалялись в разбитых двух горшках, лазании без спроса на колокольню, воровстве у соседей подсолнухов, прыжках задом наперед с плетня и устали на обмякшую, потерянную Марту. Она, пощупав свои щеки, видимо, желая их сплюснуть, стеснительно обняла всех троих и прошептала на немецком:

– Простите, но я никогда не стану вам настоящей матерью, а тебе – женой.

Мальчишки ничего не поняли, а у Ивана окаменело лицо.

Накануне Усекновения Марта заподозрила, что ждет ребенка. Ночью приснился сон, что вышла на огород, а там вместо привычного лука и свекольной ботвы – арбузы. Лобастые, спелые, чуть тронь – треснут, оголяя розовую мякоть, напоминающую младенческие десны. Она выбрала самый большой, с трудом внесла в дом, обмыла ихватила нож, оставленного на лавке. Опять выбежала во двор, погладила за ухом кошку, сменила собаке воду, проверила остроту клинка, но, когда вернулась, дверь оказалась запертой. Как ни стучала, тарабанила в окна – больше зайти не смогла.

Женщина проснулась до рассвета в рубаше, прилипшей к груди. Ноги продолжали бежать, гофрируя простынь, а руки – молотить в иллюзорную дверь. Иван, услышав крик, обнял:

– Ну что ты! Кошмары часто снятся перед Усекновением.

Хрипло напел: «Ай, качи, качи, качи...», – расцеловал глаза, погладил влажные со сна волосы и благоговейно прикоснулся к животу:

– Ты только не пугайся, но у нас скоро будет маленький.

Марта отвернулась. Ей было все равно.

Когда проснулись и умылись дети, Иван прочитал длинную инструкцию о разрешенном и запрещенном в этот день. Женщина слушала и по-рыбы открывала рот.

– Я понимаю, это глупо, но в селе не спрячешься, тем более в твоём положении. Поэтому, чтобы меньше чесали языками, не бери в руки нож и вообще ничего острого. Хлеб ломай на кусочки. Забудь о помидорах, арбузах, тыкве. Все круглое обходи стороной, особенно капусту: ее не стоит резать, шинковать, квасить и солить. Кроме того, сегодня запрещено есть борщ!

Дети крутились неподалеку со своими: «А что? А когда?» Иван привычно пустился в разъяснения:

– Некий царь Ирод Второй, правящий Галилеей и Переей, жил с женой своего кровного брата Филиппа, так как собственная жена не дотягивала до высоких Иродовых стандартов. Иоанн Предтеча, крестивший самого Христа, не смолчал и указал царю на его грех. Тот в ответ заточил неугодного старца в тюрьму.

В тот день Ирод праздновал свой день рождения и закатил пир. Потчевали вином, усиленным лепестками фиалок, белым хлебом и фаршированной дичью. Желудком свиньи, откормленной фидами, жареной зайчатинной под сложным соусом и многослойными миндальными пирогами. Народ посыпали лепестками роз, а Саломея, приемная дочь, развлекала танцами. Девушка старательно выгибалась дугой, радуя юбиляра, и тот пообещал исполнить любое ее пожелание. Танцовщица посоветовалась с маменькой и попросила голову Иоанна. Ирод сник, побоявшись лишиться жизни пророка, к совету которого не единожды прислушивался, вот только слово нужно держать, и вскоре отсеченную голову доставили на праздничном блюде.

Возмездие настигло всех при жизни. Саломея, переходя зимой реку, провалилась под лед, перерезавший ей горло, а самих родителей поглотила разверзшаяся земля.

Дети слушали не дыша. Старший не сдержался, уточнил:

– Враки все это. Да, батя?

– Может, и враки...

В этот момент вошла Чирка, обиженная еще с лета, не по-доброму взглянула на Марту и воскликнула:

– Ой, держите меня! Не успел приснопамятный пройти все мытарства, а она уже беременная.

Осень заходила неторопливо, будто танцевала линейный хоровод. Туманы поначалу собирались у горизонта атласными лентами, впоследствии соединяясь в цельные полотна. Со временем исчезли все цвета и остался лишь оловянный, шиферный, цвет измороси и высоты. Деревья отказались от листьев, напоминающих луковую шелуху, а птицы – от гнезд. Мельницы продолжали вхолостую махать лопастями, вороны – крыльями, а собаки – хвостами. Белели стволы берез. Пруды покрывались рябью, напоминающей оспу. Пустые внутри камыши издавали неприятные для слуха хлопки. В домах на полу появилось сено, и запахло древесным углем, зверобоем и ношенными рубахами. Окна стали избирательно пропускать солнечные лучи – то ли самые короткие, то ли самые извилистые, и Марта приступила к зимним заготовкам: квасила капусту, яблоки, огурцы.

В один из сентябрьских задымленных дней, преодолевая тошноту, уселась на пороге и приготовилась резать яблоки на сушку. Иван впервые вспылал:

– Ты чего расселась? Порог – это черта между мирским и потусторонним! Ребенок может родиться мертвым.

Женщина с обидой поднялась, не до конца понимая, в чем провинилась. Иван попытался сгладить ситуацию, сжал еще худенькую талию и шепнул:

– Прости! Не сдержался. Я просто очень боюсь за нас.

Марта хотела возразить, что нас нет и никогда не будет. И что сама она не здесь, а с Отто в Идар-Оберштайне, – но привычно смолчала.

Вечера удлинлись, вытянулись и стали похожими друг на друга. Отменились полдниги, во время которых ели арбузы со сливами, истекающими медом, и теперь ужинали рано. Когда зажигали свечу, пытающуюся расцарапать печное амбре, Марта бралась за штопку, а Иван привычно беседовал с мальчишками, с любовью поглядывая на склоненную женскую голову.

– А что такое десница?

– Правая рука.

– А гофер?

– Дерево, из которого построили Ноев ковчег.

– Сикомора?

– Смоковница. Инжир.

Дети не понимали. Иван тоже с трудом разбирался в нездешних фруктах и пытался фантазировать, смешивая воедино семечки земляники и мякоть кабачка.

Он знал многое. И то, что василиск – это рогатая змея пустыни, убивающая не только ядом, но и взглядом, запахом, адским огнем, а виссон – очень тонкая ткань, предназначенная для царей.

Хозяин заметно изменился и из хмурого, грубоватого и неразговорчивого превратился в приятного человека. На его вечно черное лицо снизошла благодать, и кожа посветлела, а морщины и глубокие лобные складки разгладились. Мужчина с нетерпением ждал пополнения семейства, готовился сам и пытался подготовить Марту. Та не понимала, о чем он толкует. Бывало, останавливал у погреба, в загоне у коровы, возле клубничной грядки, засорившей проход усами, и спрашивал о самочувствии. Уточнял причину грусти и молчания. Женщина привычно уходила от ответа:

– Worte können tödliche Waffen sein¹⁹.

Он отступал и беспомощно опускал руки. Искренне верил, что после рождения ребенка ее сердце повернется в его сторону. Уповал на пособничество невинного младенца, ведь в нем течет и его кровь. Со всей серьезностью готовился к родам. Ждал десятую луну²⁰, улаживал дело с повитухой и зарекался не допустить появления младенца в общей постели, чтобы случайно его не заспать²¹.

Марта мучилась изжогой, и Иван советовал есть тертую морковь и пить кисель. Снабжал оберегом в виде белой стеснительной кувшинки. Следил, чтобы не смотрела на пожары, не принимала участия в похоронах и не ходила в церковь, у которой ошивались юродивые.

В ноябре наступила зима, и женщина впервые увидела столько снега, местами достигающего до ее слегка заостренного живота. Для мальчишек наступило раздолье, и те с жаром лепили баб, возводили крепости и катались в санных поездах. Сражались в снежки, устраивали бои без правил на палках и кистенях. Приползали домой мокрые, уставшие, краснощекие. Лезли к Марте греться и обниматься. Та их отогревала, кормила блинами и усаживала учить грамматику, географию, натуральные и целые числа. Диктовала диктанты:

– Im November kälter. Es schneite. Die Bäume zogen weiße Pelzmäntel an und schliefen ein²².

Младший рисовал щенка. Старший напряженно скрипел пером и переспрашивал:

– Как пишется слово «деревья»? Я забыл.

Зима глубоко пустила корни и оказалась злопамятной. Мягко стелила поземки и выводила вихри в снежные стога. Марта не могла согреться и не отходила от печи. В очередной раз завидев небо, заложенное легионом туч, уточняла, надолго ли это. Иван успокаивал:

---

¹⁹ Слова могут быть смертельным оружием (нем.).

²⁰ В старину беременность измерялась периодом десяти лун, что соответствует сорока неделям.

²¹ Распространенная ситуация, когда матери случайно во сне душили ребенка.

²² В ноябре похолодало. Выпал снег. Деревья надели белые шубы и уснули (нем.).

– Коренных морозов всего восемь: введенские, никольские, рождественские, васильевские, крещенские, афанасьевские, сретенские и благовещенские.

Женщина поскучилась:

– Да ладно! До благовещенских я не доживу.

Иван молча припадал к ее отекившим ногам.

Белые дни чередовались с черными. Длинные – с короткими. Постные – с праздничными. У Марты в животе временами хныкал ребенок, и она отчетливо слышала его всхлипы. Делилась с Иваном ощущениями, но тот не верил и предлагал прилечь. Заботливо укрывал и садился плотничать. Без единого гвоздя мастерил детям сани, любую кухонную утварь и новую прялку из большого корня, которую невозможно ни сломать, ни расшатать. Женщина наблюдала за его точными руками и спиной, закрывающей оконный свет. С волнением ждала отела коровы и, только у той пошла слизь, безропотно отдала свою сорочку, которую хозяин накрутил скотине на рога. Отогревала у печи новорожденного теленка и читала стихи своего любимого, склонного к ипохондрии Эдуарда Мёрике:

*Взгляни, как весел летний луг,
Как густ камыш речных излуч,
Как безмятежно – погляди! –
Дитя у Девы на груди.*

Первого января почитали Илью Муромца – воина и монаха, принявшего постриг. На Рождество варили кутью и вареники с картошкой. Сидели за столом и вспоминали умерших: Иван – жену, Марта – мужа. Девятнадцатого числа Иван усиленно молился, веря в открытие небесных врат и молниеносное попадание просьб Творцу прямо в уши. В тот день хозяин окупился в прорубь и вернулся приободрившимся. Вооружился лопатой и насыпал немного снега в колодец, чтобы вода не цвела и не уходила. Внес часть сугроба домой и бросил в чугунок. Женщина попыталась возразить: «Нет, здесь будет борщ», – но он, запустив пальцы в ее волосы, притянул к себе:

– Крещенский снег снимает головную боль. Понимаешь?

За январем пришел февраль. Месяц без хвоста и без полнолуния. Ворвались оттепели, и зазвенели сосульки. Запахло талой водой, земляным паром, надеждой. В воздухе разлились древесные ароматы, а в небе – синь. На ветках собирался иней, предвещающий урожай меда. У лошадей потели копыта, кошки перестали скрести стены, вставая на задние лапы, и Иван начал выводить из сарая скот, чтобы тот размялся и прогрел бока.

Марта не ела второй день. Пила только воду, и то дырявым ртом. Вода лилась за пазуху и щекотала набухшую грудь. Ее живот из круглого шара вдруг переместился вниз, и теперь она напоминала крупную зимнюю грушу. Норовила спрятаться в дальнем углу и укрыться рядом, предназначенным для переноски сена.

Иван внимательно за ней наблюдал, стараясь не пропустить начало. Следил за походкой и разливающейся всеми оттенками бледностью. За тем, как расчесывает свой живот и пошатывается, будто пытается избавиться от молочного зуба. Куда бы Марта ни направилась, всюду за ней следовал Иван. Он загодя начисто убрал в бане, зная привычку многих баб рожать в ней, стоя на корточках или держась за лавку. Вторая половина разрешалась на печи.

В то утро Марта неожиданно запела. Он никогда не слышал ее песен, а тут вдруг:

*Es scheint als würden die
Sterne die Erde beobachten...*

Иван не все понимал, но то, что смог связать воедино, его испугало. Женщина пела о ком-то невидимом, наблюдающем сверху, и о счете на минуты и часы.

Ближе к полудню роженица начала метаться, ходить из угла в угол, хвататься за лавки, стол, кочегру. Выбегать из дома и нестись, загибая подолом снег. Он перехватил ее в саду. Марта держалась за сливу и раскачивалась.

– Тебе плохо?

Вместо ответа женщина лизнула сугроб.

– Не знаю.

– Сможешь идти?

Марта потерлась лицом о его грудь, резко оторвалась и отгрызла кусок коры. Прошлась по ней своими белоснежными зубами и сплюнула. Вытерла насухо рот.

– Уведи, пожалуйста, детей! Не хочу их пугать.

Он внес ее на руках. Быстро собрал мальчишек и отправил к крестной. Те упирались, но, порезавшись об отцовский взгляд, нехотя вышли в сени. Старший перед уходом попытался согреть ее ледяную руку и шепнул:

– Будет больно – кричи! Мамка, когда рожала брата, кричала: «Царю Небесный!»

Марта пообещала и прижала его к себе. Младший, так и не освоивший букву «р», заплакал:

– Я хочу остаться с Малией...

Иван постелил на лавке и зажег сретенскую свечу.

– Мне нужно ненадолго уйти. Я мигом. Обещай, что продержишься!

Марта смотрела сквозь него. Он пытался поймать ее блуждающий взгляд и успокоить гнездящиеся руки. Она сопротивлялась, с трудом сделала вдох и произнесла абсолютно чужим голосом:

– Wer weiterwill als sein Pferd, der sitze ab und gehe zu Fuß²³.

Мужчина взял женщину за плечи и начал трясти:

– Прости, не понял. Скажи проще! Скажи по-другому!

Марта покачала головой:

– Не могу. Устала. Домой хочу.

Иван с жаром зацепился за слово «дом»:

– Здесь твой дом, любимая! Здесь все твое. Стены, сундуки, иконы. Земли, акации, Днепр. Я, черт возьми, твой!

Марта, не то теряя сознание, не то плавно переходя в параллельные миры, прошептала:

– Родина не там, где ты знаешь каждое деревце, а там, где деревья знают тебя.

Иван крался за повитухой тропами и огородами. В селе существовало поверье: когда у женщины начинаются роды, об этом должно знать поменьше людей. Ни к чему все эти пересуды, сплетни, фальшивые сочувствия. Поэтому шел, стараясь не встретиться ни с кем даже тенью. Не замешкаться, ввязываясь в дурные разговоры. Рука в кармане любовно поглаживала подарок. В его семье существовала традиция поздравлять родившую золотыми серьгами. Эти он купил еще полгода назад, когда Марта стала чаще обычного держаться за поясницу, стеснительно брать добавку, а на ее груди он обнаружил крохотные шишечки. Именно тогда условился с повитухой.

Она считалась одной из лучших. Во-первых, замужняя, со своими взрослыми и живыми детьми. Светлоглазая, ведущая безупречный образ жизни и регулярно исповедующаяся. Не

---

²³ Кто хочет ехать дальше, чем его лошадь, должен слезть и пойти пешком (нем.).

изменяла мужу, не ругалась с соседями, не делала аборт, не обмывала покойников и никоим образом не соприкасалась со смертью. Умела хранить тайны. Заговаривать грыжи, бессонницу, сглаз и неким магическим способом обеспечивала достаточное количество молока. Не роняла детей и мастерски собирала ауру рожениц. Свято верила: чем больше примет детей на земле, тем счастливее будет на небе, ведь если повивальная бабка – грешница, то и на том свете будет таскать мешок с отрезанными пупами. Короче говоря, собиралась дожить до ста лет и умереть стоя.

Снег летел за шиворот и не таял, формируя сугроб на его напряженном задеревеневшем затылке. Луна, болтающаяся жатвенным ножом, светила тускло, будто внутри ее закончились дрова. Ноги Ивана, перестав сгибаться в коленях, напоминали циркуль. От волнения у него отнялись руки и напрочь вылетели из головы все правильные слова.

Наконец-то показался нужный дом, из дыма которого кудрявился дым. Он вошел, поклонился и взволнованно произнес кодовое:

– Наша Марфа занемогла, на печь полезла.

Женщина молча открыла сундук и вытащила из него чистую одежду. Иван облегченно вздохнул, понимая, что повитуха при полном здоровье и может приступить к своему нелегкому делу. Ведь роды нельзя принимать во время менструации, потому что у девочек, принятых «течной бабой», могут никогда не наступить женские дни.

– Как она?

– Не знаю, но боюсь, неважно. Не вижу в ней родовой злости и деревенской бабьей силы.

Повитуха вошла в дом, перекрестилась, прочитала молитву и только потом приблизилась к Марте. Посмотрела на коптящую сретенскую свечу и, сообразив, что дело обещает быть долгим, прочитала отрывок из Евангелия. Приказала Ивану найти молитвы святым Варваре и Екатерине и повторять их безостановочно. Ведь у кого еще просить о заступничестве? Марта с посеревшим лицом тяжело вздохнула:

– Молятся только Богу, но никак не умершим.

Бабка уточнила:

– Протестантка? – и, получив от хозяина утвердительный ответ, окропила роженицу святой водой и напоила отваром из цвета ржи, от которого ее тотчас вырвало. Заставила встать и пройти, переступая через лавку, залезая и слезая с печи, нервируя этим в подпечье домового и кудахтающих кур. Позже открыла двери, сняла крышки с котелков, отодвинула заслонку. Расплела Марте волосы и вложила в рот прядь. Согнула в коленях ноги и посыпала сахаром родовые пути, чтобы ребенок, почувствовав сладенькое, побыстрее явился на свет. Переключилась на Ивана:

– Не переживай, если ребенок родится слабым, припечем в печи.

Марта приподнялась на локтях. Повитуха рассмеялась:

– Это давняя традиция. Ребенок на лопате засовывается в остывающую печь и таким образом добывает свои силы.

Наступила полночь. За окном исчезла видимость, и только в просе дребезжала громничная свеча. Месяц дешевыми фунтовыми обоями поминутно отклеивался и выныривал в самых неожиданных местах. Кочевал с востока на запад. Собачий вой периодически переходил в стон. В печи трещали дрова, видимо, к морозу. Волны боли поднимались одна выше другой.

Марта сжевала свою верхнюю губу, расцарапала живот и левую половину лица. Повитуха попеременно прикладывала теплые компрессы из соли и семян льна, купели из капустного листа и шелухи лука. Зажигала березовую лучину и траву бессмертника. Молилась Саломее-повитухе, принявшей роды у самой Марии. Ждала от Марты хоть одного злого всхлипа, но

та только стучала зубами. Иван с большой иконой ходил вокруг дома и уповал то на Господа, то на сатану.

Под утро, когда воздух напомнил плохо взбитый яичный белок, а высокая чамрочная трава обсыпала себя инеем в виде мелкой поваренной соли, родилась девочка. Маленькая, слабенькая, но живая. Дважды пискнула и больше не смогла. Пуповину перерезали на прялке, чтобы была работающей, и стянули волосом Марты, навсегда связывая дочку с мамой. Завернули в отцовскую рубашку, которую Иван ловко стянул с себя, и та сморщила носик, втягивая запах отцовского тела. Он с осторожностью взял сверток и прошептал:

– Вот и встретились. Как и с твоей мамой. День в день.

Марта заплетающимся языком уточнила число:

– 15 февраля. Сретение.

Отпавшую пуповину определили на семилетнее хранение между образами, а плаценту зарыли под деревом. Повитуха обмывала девочку в специальной воде с использованием соли, куриного яйца и серебряной монеты и приговаривала:

– Мыла бабушка не для хитрости, не для мудрости. Мыла ради доброго здоровьица.

Далее вышла во двор, плеснула воду на угол дома, где находились иконы, и загадала новорожденной хороший рост. Окликнула Ивана, воркующего над свертком.

– Как назовешь дочь?

– Устинья.

Бабка про себя сказала: «Добро пожаловать, справедливая». Затем позвала есть кашу:

– Соли и перца не пожалела.

Иван послушно взял ложку, зачерпнул и закашлялся. Акушерка сказала отработанную за многие роды фразу:

– Солоно и горько рожать.

И мужчина еще быстрее заработал ложкой, не сводя глаз с Марты. Та крепко спала, и неясно было, что белее – простыни или ее лицо. В печи гарцевал огонь. Повитуха отметила:

– Ишь, старается, значит, девочка будет жить. А вот она, – кивнула на роженицу, – даже не знаю.

К вечеру забрали детей, и те не отходили от люльки. Когда малышка утомилась от их шумного внимания, Иван привычно усадил мальчишек за стол и рассказал о Сретении. Обессиленная Марта тяготилась новыми, слишком тяжелыми сережками, пригвоздившими ее голову к подушке. Сквозь дрему слушала историю Марии, на сороковой день принесшей Иисуса в храм, чтобы отдать благодарственную жертву Богу за первенца. У нее не оказалось годовалого ягненка, она скромно стояла с голубкой. К ней вышел древний старец Симеон, проживший ни много ни мало, а целых триста шестьдесят лет. Он был одним из семидесяти двух переводчиков Библии с еврейского на греческий, и ему достался абзац, в котором дева, то есть девственница, должна была родить сына. Симеон усомнился в правильности написанного и решил исправить слово «дева» на «женщину». В этот момент явился ангел и строго-настрого запретил самовольничать, пообещав продлить жизнь до тех пор, куда воочию не убедится в написанном. Спустя много лет именно 15 февраля пророчество сбылось. Еле волочащий ноги Симеон взял на руки младенца, восславил его самыми велеречивыми словами и отправился на покой, а церковь за признание в ребенке Бога причислила его к лику святых.

Устинью крестили на девятый день, и крещенский чепчик не снимали почти две недели. Марта пыталась восстать против обряда, объясняя, что все дети так или иначе попадут в рай, но Иван был тверд в своем решении. Нанял дочери кормилицу, и Устюша пила молоко толстой грудастой бабы. Та ходила даже в морозы босиком, и ее пятки трескали по швам. Ела за троих и брала плату хлебом, мочеными яблоками и свежим салом.

Марта после родов так и не оправилась и, когда Устюше исполнилось два месяца, тихо умерла. Последними ее словами были: «прости» и «хочу домой». Иван плакал и шептал привычное: «Бог простит».

Ее похоронили рядом с Отто, положив в гроб неношенные прюнелевые башмачки, крепдешиновое платье с рукавами-буфами, веер, ноты, ожерелье из янтаря и мужнины часы. Иван стоял у свежего холма и медленно уменьшался в росте. Мальчишки остались дома за старших и неустанно качали люльку, совали в рот соску из мякиша, обучали уму-разуму, в частности, арифметике и едва усвоенному немецкому языку. В год Устя сказала свое первое слово «мата». Братья ринулись наперебой набрасывать варианты: мята, тата, мама, хата. И только Иван твердо верил, девочка произнесла имя своей матери – Марта.

Он больше не женился, так и не справившись с тоской. Как ни открывал в печи заслонку, ни выметал мусор и ни произносил: «Сор – в печь, а тоска – с плеч», ничего не помогало. Его сердце с оборванными краями безостановочно ныло и пачкало рубаху. В память о «жене» каждый год в день смерти высаживал саженец сливы. Закладывал в яму для посадки полбуханки ржаного хлеба, опускался на колени и шептал:

– Да простятся нам прегрешения наши...

Глава 2

Анна

*Кого боги хотят покарать, того они делают педагогом.
Луций Анней Сенека*

Сто лет спустя. 2000 год

В классе сопели двадцать пять носов и царапали бумагу двадцать пять ручек. Анна Ивановна, которую за глаза с нежностью называли Ана Вана, стояла у доски и диктовала диктант, четко выговаривая каждое слово:

– В ноябре похолодало. Выпал снег. Деревья надели белые шубы и уснули.

Мишка зачеркнул лишнюю букву. Занервничал, исполосовал ее пучком дополнительных линий, и получилась метла. Староста Дина шикнула на соседа справа. Девочка с врожденной мнительностью, всякий раз возвращаясь после прививки из медкабинета, объявляла:

– Я сейчас упаду в обморок, – и тут же теряла сознание.

Цыганочка Марина заерзала на стуле и пискнула:

– А в слове «деревья» есть мягкий знак?

Учительница незаметно кивнула.

Анна ориентировалась по среднему ученику. Не подсказывала, хотя очень хотелось сделать паузу длиннее на месте запятой и слово «похолодало» произнести через четыре выпуклые «о», как это сделали бы жители Костромы. Отмечала про себя орфограммы, распределенные равномерно по всему тексту, так как ошибаются ученики, как правило, в самом начале и в конце. Любовалась склоненными над тетрадями коротко стриженными затылками и газовыми бантами. Поглядывала в окно на тюфяк из слоистых облаков, задевающий звукоряд шишек, угловой фонарь и смотровую вышку географической площадки. Из него сыпалась труха в виде заостренной мороси и жалила бездомных воробьев. Анна поймала себя на мысли, что с удовольствием напоила бы попрошайек столовским переслащенным какао, обрядила бы в шушуну, а потом полетела бы с громогласной стаей на вокзал, чтобы встретить разгоряченный берлинский поезд. Ведь сегодня вечером возвращался Константин.

– Дни стали короче и холоднее. Опустели поля. Рябина, будто в огнях, привлекает птиц. Им сейчас нелегко.

Класс дружно вздохнул. Часы приближали полдень. Кто-то одними губами переспросил: «Нелегко – отдельно или слитно?»

Учительница прочитала текст еще раз, попросила дежурных собрать тетради и дала домашнее задание написать три причины, «почему я люблю осень», предвидя повторяющееся из года в год: «Потому что грибы, костры и каникулы». Заполнила классный журнал, рассеянно выщелкивая ручкой простенькую мелодию, дождалась, когда класс опустеет, и взглянула на фото. На нем они с Костиком стояли в обнимку в облаке цветущих слив. В этот момент в классной комнате потемнело, небо в последний раз набычилось и разродилось первым хлопковым снегом. Сухим, ноздреватым, местами напоминающим попкорн.

С самого детства Аня хотела быть полезной людям. Подобную мысль в ее юной головке заложили некий американский эссеист, утверждавший, что главное – не личное счастье, а служение другим, и отец, живущий под девизом: «Убей бобра – спаси дерево». Некоторое время девочка прикидывала, что она может предпринять. Приютить всех бездомных кошек? Изоб-

рести вакцину от старости? Уберечь Землю от глобального потепления? Раз и навсегда покончить с безграмотностью? Последняя идея оказалась самой удачной, и Анна начала обучать двоюродных братьев и сестер измерять линейкой отрезки. Папа для оптимизации процесса сделал доску и, прибивая ее к стене, пересказал анекдот, в котором ученик явился к учителю с просьбой прочитать накаляканное в его тетради. Учитель нацепил очки, свел руки за головой и уставился в одну точку. Спустя минуту просиял:

– А-а-а! Все понятно! Я написал: «Пиши разборчиво».

Ее первая учительница, женщина предпенсионного возраста, почти не вставала из-за стола и напоминала самоварную бабу. Сидела с вечно красными щеками из-за прогрессирующего розацеа²⁴, опухшими локтями и растрепанной прической, как у актрисы Валентины Серовой. Растирала больные колени и диктовала: «На ветке сидели девять птиц». Круглый год носила мохеровую кофту, коричневую юбку-клинку и до самых морозов шиковала без чулок. На День учителя и годовые контрольные надевала праздничное – блузу в горошек и сарафан из черного кордового вельвета. Просила не дарить ей срезанных цветов, а если уж невмоготу, то лучше вазон с неприхотливым хлорофитумом или геранью. На первом уроке включила песню Антонова «Не рвите цветы» и объявила, что отныне эта мелодия станет гимном класса:

– Как только услышите ее на переходной станции в метро, в филармонии или по радио, вспомните меня и своих друзей. Наш класс, наши прописные истины, нашу крепкую дружбу.

Так и вышло. Всякий раз, услышав первые аккорды, Анна видела перед собой доску и отблески октябрятских звездочек. Уютную учительницу с вечно испачканным мелом животом и ее стол, заваленный контрольными и атласными лентами на случай, если после физкультуры у кого-то расплетется коса. Ощущала яблочный дух, исходящий от нижнего ящика. Педагог приносила из сада любимые зеленые «симиренко» и угощала растяп, забывших дома перекус.

Она жила школой, и свет в их классе горел допоздна. Расшалившихся могла одернуть необходимым: «Не маши крыльями, улетишь, а у нас окна закрыты». Считала телевизор пожирателем времени и запертый на замок не то «Рубин», не то «Рассвет» включала от силы трижды. В День космонавтики, чтобы показать научно-популярную программу о Валентине Терешковой, в день рождения Ленина и когда шел ее любимый фильм «Первоклассница». Черно-белый, скрипучий, невозможно наивный о непослушной девочке Марусе, шастающей по городу без спроса.

Аня в отличие от сверстников обожала учиться, считала дни до окончания каникул и старалась пройти программу наперед. К примеру, выучить стихи, сделать перевод текстов с английского, разобраться в прямоугольном параллелепипеде и его объемах. В то время как друзья гоняли на велосипедах, забивая в гаражные ворота голы, или гребли по-собачьи в распаренной июльской речке, она сидела с тетрадкой и вела читательский дневник. Пыталась запомнить таблицу Менделеева и основные законы механики.

В детстве считала, что ее семью заколдовала злая ведьма в побитых молью кружевах шантильи. Взмахнула копьём или серебряной ложкой и поменяла местами маму и папу, чисто в сказке «Веретено». В итоге мама превратилась в холодную и отстраненную, а папа, напротив, стал добрым и сердечным. В целом родители жили неплохо, но исключительно благодаря отцу. Мать привычно шла напролом и ни с кем не церемонилась, папа сглаживал все углы и переводил инциденты в шутку. Без конца подмигивал дочери, мол, не обращай внимания, мы не ссоримся, это просто такая игра, типа пинг-понга. Мама делала вид или действительно не замечала мужниных стараний. У нее отсутствовала разрекламированная женская гибкость, сговорчивость и умение лавировать. Мужа всю жизнь держала на дистанции, а повзрослевшей

²⁴ Розовые угри – хроническое рецидивирующее заболевание кожи лица.

дочери, оставаясь наедине, объясняла: «Прочной может стать только та семья, в которой мужчина любит, а женщина позволяет себя любить».

Папа сочувствовал всему миру, а мама никогда и ни о чем не печалилась: ни об упавшем самолете, ни об инциденте в заливе Сидра, ни о расстреле Мараварской роты. Не страдала самоедством и всегда быстро засыпала, стоило лишь отбросить одеяльный уголок. По утрам отец подшучивал, что ее никогда не добудишься, спит, будто под наркозом, а мама рассказывала одну и ту же историю, как ее дядя, желая поберечь сердце, попросил хирурга удалить ему воспалившийся аппендикс без какой-либо анестезии.

Аня дружила больше с папой, и тот охотно объяснял ей физику, тригонометрические формулы и преобразования. Учил ездить на велосипеде и плавать брассом. На Восьмое марта торжественно распахивал балкон и заносил тройку тепличных целлофановых тюльпанов, а еще две ночные сорочки. Маме – с кружевными оборками, Ане – с поросятами. Постоянно что-то ремонтировал, и в их доме никогда ничего не болталось. Вешал шторы, люстры, ковры и кухонные шкафчики. Ходил за продуктами и полоскал постельное белье. Придумывал собственные слова, к примеру, «сдавнело». Творог прокис – значит, сдавнел. Яйцо протухло, шоколад «поседел» – не иначе как сдавнели. Жарко забыли поставить в холодильник, и к утру оно стало источать кислый душок – сдавнело трижды. Слово настолько прочно укоренилось в их лексиконе, что одно время Аня даже побаивалась, как бы оно не вырвалось во время открытого урока.

В седьмом классе Ане понравился старшеклассник Генка с узкими, будто прорезанными лезвием, глазами. Паренек по прозвищу Капитан занимался в кружке судомоделизма, носил под школьной формой тельняшку и собирался повторить путь исследователя Арктики Бади-гина. Однажды у девочки созрел план. В маминой шкатулке давно валялась брошь в виде корабля с бисерным килем, фоком из пайеток и якорем из рисовых бусин. Мама бижутерию не носила, утверждая, что только неуверенные личности пытаются украсить себя какими-то материальными сигналами. Аня без зазрения совести достала брошь, приколола на шарф поверх пальто, и на ее груди взял курс на восток лайнер, подмигивающий дешевым перламутром.

Утром девочка с прекрасным рыцарем разминулась, а после шестого урока, когда наверняка должны были пересечься в холле у бюста Ильича, броши на шарфе не оказалось. Видимо, кто-то пробрался в раздевалку и присвоил сомнительную драгоценность. Аня проплакала всю дорогу домой, представляя, как мама зачем-то полезет в шкатулку и обнаружит пропажу. Та действительно весь вечер ходила вокруг. Затеяла в серванте уборку, долго рылась в журналах «Работница», пытаясь найти не то выкройку заячьей шапки, не то совет, как дать клеенке вторую жизнь. Казалось, сейчас откроет нижний ящик, упрется взглядом в ларец, шелкнет крышкой, будто спусковым крючком, и наступит конец света. Аня с трудом дождалась отца, потянула его на кухню и зарыдала прямо в ухо:

– Папочка, я без спроса взяла мамину брошь и потеряла ее. Как теперь быть?

Зажмурилась, приготовившись не то к строгому выговору, не то к пощечине. Тот приобнял и сказал любимое:

– Главное, чтобы были мы, а брошь – это наживное.

До второго класса Аня просила родить братика, сестричку или хотя бы персикового кота, но мама лишь шипела ушастым ежом, еще не пообедавшим саламандрой. Повторяла, что материнство не ее конек и свой долг она уже выполнила. Больше не готова хоронить себя среди марлевых подгузников и манных каш, так как это не центральный смысл жизни. И вообще, очень жалела, что ввязалась в это дело. Подставляла ребро ладони к шее, имитируя гильотину, и резюмировала:

– Мне тебя во как хватает! Кроме того, я люблю спать. Представляешь? Я люблю спать беспробудно всю ночь, а не вскакивать от любого писка, заниматься полезным делом, а не подтиранием соплей, но самое главное, я ненавижу быть беременной.

Девочка не совсем понимала, о чем толкует мама, и бежала за разъяснениями к папе. Тот просил жену придержать лошадей и не грузить ребенка своей вопиюще дерзкой правдой. Дежурно доставал шашки, укладывал белые на черные и объяснял:

– Анечка, не все женщины могут быть мамами, как и не все способны летать в космос и танцевать «Спящую красавицу». Кому-то интересно вводить в рацион желток, а кому-то – дом в эксплуатацию. Понимаешь?

Аня не понимала, и тогда отец пускался в пространственные размышления, а девочка с интересом следила за перетасовкой его слов.

– Смотри, доча, мы ведь не требуем от полевой мыши стать зеленым дятлом, а от Африки – метаморфозы в виде стилой Антарктиды. Есть неизменные вещи или незбылемые, называй как хочешь. Стрелки часов идут слева направо, а не наоборот, за осенью – зима, а у жирафа – длинная шея. Зевота заразительна, мотыльки упорно летят на свет, большинство людей правши. Мы не в состоянии это изменить и объяснить. Так и наша мама. У нее внутри другая закваска и другой набор качеств. Ей не жалко беднягу Бима, она не смеется во время просмотра «Бриллиантовой руки», и ее чудовищно раздражает материнство.

Воскресные дни проводили предсказуемо и однотипно. Завтракали жареной картошкой, читали книжки, смотрели «АБВГДейку». Аня, умытая и причесанная, сидела на стульчике, так как в их доме не разрешалось садиться на заправленную кровать, и смотрела, как на экране появляется голубоглазый кот и протягивает свою когтистую лапу к фрикаделистым буквам.

К одиннадцати на «Утреннюю почту» подтягивались родители. Ведущий Юрий Николаев в сером свитере с белыми собаками привычно рылся в письмах и зачитывал заявки телезрителей. Изредка вместо него корреспонденцию разбирала Татьяна Веденеева, и мама традиционно критиковала ее платье и прическу. Игорь Скляр пел про субботу, Челентано, якобы нехотя, про любовь, ансамбль спортивного танца «Лидер» демонстрировал аэробику, и завершал программу Раймонд Паулс, наигрывающий нечто задушевное. После передачи шли гулять, обедали пельменями, меняли постельное белье. Пришивали оторвавшиеся пуговицы, ремонтировали краны, зонты, раскладушки. Проверяли Анин дневник. Обсуждали планы на следующие выходные, капиталистическую безработицу и «Сагу о Форсайтах». Смотрели «Кубинские вечера» и фильм «Уроки французского».

Больше всего на свете Анна боялась войны. Нередко по ночам врывалась в родительскую спальню и кричала, что опять снилась бомбежка. Подробно описывала немецких большеглазых пилотов, то, как они сверяются с картами и сбрасывают бомбы, напоминающие колпачки фломастеров. Воющую женщину, оставившую дома грудного ребенка и попавшую в облаву. Оторванную ногу в чулке и нарядной туфле. Крупного мужчину, танцующего в петле. Окоп, усталый молодыми неподвижными телами. Запах крови, горящего человеческого жира и яблок, испеченных прямо на дереве.

Папа отпаивал ее водой, укрывал, качал, искал хорошего психолога. Мама считала, и так пройдет, но тот не унимался и однажды все-таки получил ответ на свой вопрос. Один военный хирург, прошедший и Афганистан, и войну в Югославии, объяснил происходящее на пальцах:

– В Библии на этот счет есть замечательная фраза: «Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина». Так вот, существует непреднамеренная и даже неосознанная семейная передача, этакая кубышка памяти, куда родители, деды, свояки складывают собственные страхи и пережитые ужасы, а чувствительные дети получают к ней доступ. От этого никуда не деться. В любой семье дети и собаки знают все.

– Что же нам делать?

– А что ты можешь сделать? Просто будь рядом.

На все праздники ездили к бабушке Марии и дедушке Василию. На каждую Пасху, Троицу, Спас и Рождество. Благо недалеко, двадцать минут на автобусе.

Калитка привычно заедала, и чтобы ее открыть, следовало хорошенько напрячь плечо. Орех дежурно дремал, дворняга лязгала то зубами, то цепью и лаяла на приземистый колодец с крепко пристегнутым ведром. Заниженная скамейка для любования фиалками и сциллами сползала к весне краской. Дальше шла нитка идеально выстиранного белья, размороженные сугробы, сытный запах пирогов. Дровник с березовыми и фруктовыми поленьями. Куст барбариса с веснушками засохших ягод. Огород, обрывающийся лягушачьим прудом. Озабоченно покающие куры и, наконец, массивная сенная дверь со счесанным до досен веником в углу. Дедушкино радостное: «Маруся, дети пришли!»

Как правило, они приезжали к завтраку, трижды целовались, мыли в «Мойдодыре» подтаявшим «Земляничным» руки и промокали их рельефным полотенцем, напоминающим вафли из электрической вафельницы. Шумно рассаживались. Бабушка с гордостью выстав-ляла эластичный холодец, а из печи – упревшие котлеты. Бутылку ягодного вина. Садилась в углу, чтобы в любой момент заменить упавшую вилку, подать баночку свекольного хрена или крупную водянистую соль. Интересовалась новостями. Вытирала уголком фартука глаза. Расспрашивала об оценках, уроках музыки и поклоннике с разбойничьей фамилией Варава. Дед садился во главе стола, суетливо поднимал первую рюмку, выливая содержимое в длинное морщинистое горло, и приговаривал: «Господи, как хорошо жить на земле!»

В окнах бликовала солнечная пыльца и прошлогодняя вата. Вышитые стежками лошади и коты вытягивали любопытные морды. Под плюшевой скатертью из года в год хранились открытки, письма и телеграмма с трогательным: «Поздравляю с внучкой, рост – 52, вес – 3100». В диване – альбом с фото, в котором никогда не смешивали мертвых и живых.

С мая по октябрь стол накрывали в беседке, увитой виноградом, и сидели долго. Любо-вались желтушным закатом, слушали лягушачьи концерты, вдыхали ароматы. Весной пахло тяжелой землей, еле уловимым духом цветущих слив и ранними флоксами. Летом – душистым горошком. Осенью – яблоками, хризантемами и полынью.

По соседству жила тетка Килина, с которой не общались, не здоровались, не христосова-лись. Бабушка Мария старательно делала вид, что ничего не слышит и не видит, даже если из-за забора долетало теткино грубое, видимо, адресованное внуку наставление: «Сколько можно читать своего Гранта? Выйди на улочку и пробздись, фулюган». Иногда та могла завернуть и покрепче. Кур обзывала курвами и орала: «Сперва в три горла жрете, а потом в три жопы срете». В такие минуты бабушка проворно собирала со стола посуду, и все перебирались в дом.

Мама, натирая тарелки, интересовалась:

- И сколько лет вы не общаетесь?
- Всю жизнь.
- Не напомним почему?
- Не напомним...

Дед круглый год носил армейское галифе, но о войне вспоминать не любил. Всякий раз, когда Анна пыталась расспросить об окопах, оккупации и отступлениях, надрывался на слове «Маутхаузен» и выходил покурить. Однажды они жгли на огороде сухую ботву, и он спрятал в золе несколько картофельных клубней. Когда те дошли, достал и нервно обчистил:

– Мне все приходилось есть сырым: и кабачки, и свеклу, и фасоль. Самый ужасный по вкусу – картофель. Все, кто пытался им заглушить голод, рано или поздно умирали.

Затем, смахнув слезу, притопнул ногой, будто собирался пуститься в пляс:

– Что это мы, Анька, расклеились? А ну, давай-ка вместе споем!

Тонко и фальшиво заводил «Очи черные». Аня пыталась подпевать, но не могла попасть ни в ритм, ни в тональность. Дед продолжал петь соло, поглядывая на рассеянное солнце и раз-

веденное по сторонам небо, а за забором надсадно ругалась тетка Килина, прогоняя с грядки кур, и в ушах еще долго отдавало прострелом ее безапелляционное: «Кыш, бляди!»

В училище Анна поступала с приключениями. Накануне, выпив томатный сок и случайно взглянув на дно, отметила помидорную кашу в виде школьного звонка и еще раз утвердилась в правильности выбора профессии.

На следующий день долговязая училка, напоминающая списанную по состоянию здоровья балерину, диктовала диктант, не выговаривая половину букв. Путала «г» и «к», а шипящие заменяла на свистящие. Явилась на экзамен в длинных серьгах и мрачном, напоминающем готическое летнем пальто, и пахло от нее нафталином. Услышав первое предложение, несколько абитуриентов рассмеялись, и учительница с ненавистью уставилась, вбив в их «тупые лбы» гвозди. Позже выяснилось, что все, кто позволил себе снисходительные ухмылки, диктанты написали на единицы.

На третьем курсе она пришла преподавать им основы семантики и вызываясь поздравалась: «Здравствуйте, фраеры и фраерихи». Быстро приструнила самого наглого: «Значит так, Ломоносов, ты сейчас в обмороке!» – и дала совет возмущенной ее хамством старосте: «Рот закрой, а то кишки простудишь». Большинство ее тотчас возненавидело, а Анна, напротив, полюбила. Во-первых, за блестящее знание предмета, а во-вторых, за смелость быть собой. Пусть даже такой анемично бледной, дурно одетой и невоспитанной.

В училище подобрался уникальный преподавательский состав. Старенькая профессорша по прозвищу Бабушка, смертельно боявшаяся, как и создатель, «Фауста», сквозняков и требующая закрыть окна, даже когда воздух напоминал атмосферу хаммама, на каждом уроке повторяла: «Если умыть кошку, то она уже никогда не станет умываться сама, вот почему миссия учителя не научить, а научить учиться».

– Кроме того, запомните, когда дети на уроке шумят – это здорово! Это хороший шум, рабочий, радостный. Он говорит о том, что ребята знают предмет и их распирает от эмоций. Настораживаться нужно, когда в классе стоит гробовая тишина. Это свидетельствует либо о незнании, либо о страхе.

Постоянно шутила: «Учитель – единственная профессия, в которой полезные и ценные вещи тянут из дома на работу, а не наоборот».

Англичанка, помешанная на Майкле Джеконе, знала о нем все: и то, что перед концертами пил растворенные в горячей воде леденцы от кашля Ricola, и то, что периодически перечитывал «Старик и море». Посему на уроках ученики переводили тексты его песен, а в конце семестра устраивали вечеринки, дресс-кодом которых были шляпы-федоры, яркие цепочные пиджаки и черные брюки с лампасами.

Математик по фамилии Бабай из всех оценок предпочитал колы, а из всех учеников выделил Анну, гоняя ее как сидорову козу. Единственный, кто называл ее на индийский манер – Хазаре и пытался привить любовь к миру цифр и формул. На уроке первым делом спрашивал:

– Хазаре, у тебя ногти есть?

Анна утвердительно кивала.

– Тогда иди шкрябай уравнение.

Она послушно шкрябала.

Со временем девушка поняла принцип, лежащий в основе любой математической концепции, и сдала экзамен блестяще. Хотя, конечно, не удержалась и на всякий случай обрисовала ноги шпаргалками. Бабай, не дав посидеть и двух минут, толкнул в спину:

– Дуй, Хазаре, к доске, а то весь класс свернет себе шею, пытаясь прочитать формулу Ньютона на твоих ляжках.

Историк, немного похожий на Алена Делона, круглый год носил костюмы-двойки с фетровыми шляпами и разыгрывал на уроках драматические спектакли. Однажды пришел в черном костюме, словно собрался на похороны, и начал издали:

– А теперь представьте большой праздник. К примеру, как на Певческом поле, в парке «Сокольники» или на берегу Эльбы. Играет скрипка, волынка и, возможно, гобой. Все танцуют, лакомятся петушками на палочке, ждут своей очереди прокатиться на карусели. И вдруг в толпе становится так тесно, что вы уже не можете достать платок из нагрудного кармана. Да что там говорить, вы не можете дышать и, самое страшное, оказываетесь в западне, из которой выход только один – на тот свет.

Учитель помолчал. Подошел к доске и постучал по ней костяшками. Подул на рукав и засмотрелся на облако меловой пыли:

– Сегодня ровно сто лет со дня трагедии на Ходынском поле, произошедшей во время коронации российского императора Николая II. Крестьяне, услышав о подарках в виде булки, вяземского пряника, полуфунта колбасы, мешочка орехов и кружки с вензелями, дежурили на поле всю ночь. По некоторым данным, в количестве полумиллиона человек. Утром, когда началась раздача, хлынули к буфетам, создав давку, и за пятнадцать минут остановились около полутора тысяч сердец. Некоторые, чудом выжившие, умирали по дороге домой и скатывались в канавы. Чуть позже Константин Бальмонт напишет свой обличительный стих, в конце которого черкнет не то пророчество, не то приговор: «Кто начал царствовать Ходынкой, тот кончит, встав на эшафот».

Еще одна «Ходынка» произошла в день похорон Сталина в марте пятьдесят третьего. Светило солнце, но все равно пробирал озноб. Поникший, осиротевший, плачущий народ двигался от метро «Белорусская» к Дому Советов, где было выставлено тело. Шли никем не организованные и причитали: «Как теперь жить дальше?» Из школ вели старшеклассников. Некоторые прорывались по крышам и падали на головы идущим по земле. Площадь Пушкина не смогла вместить всех желающих, и начался суший ад. Ломались кости, не выдерживающие человеческого цунами. То там, то здесь кричали: «Потерялся Сашенька, Леночка, Мишутка». Чудом миновавшие Пушкинскую находили свою смерть на Трубной. Всюду валялись галоши, варежки, шапки, шарфы, валенки, оторванные воротники и рукава. И лишь немногие, понимавшие всю трагедию, сотворенную одним человеком, остались дома, накрыли на стол и поставили портрет вождя вниз головой со словами: «Чтобы не воскрес!»

Теперь прошу отметить вопиющую разницу между двумя событиями. Ходынскую трагедию даже не думали замалчивать, и об этом написали все газеты. Мало того, царь Николай II выплатил компенсацию семьям погибших и взял на себя похоронные расходы. Задавленных и растоптанных во время обряда прощания со Сталиным хоронили в общих могилах. Количество жертв скрыли, никакого расследования не проводилось, зато вождя помянули пятью минутами молчания, дав артиллерийский салют и запустив в небо десятки самолетов.

Историк еще говорил, приводил в пример Лондон и торжество в честь королевы Виктории в 1897 году. Называл цифры погибших, только Анна больше не вникала. Ее преследовало чувство, что подобное уже где-то слышала. Поэтому напряженно вспоминала, сжимая пульсирующие виски, и вскоре выудила из памяти большую многокомнатную квартиру, стол, накрытый скатертью с бахромой, бледный запах духов, поднимающийся от таза с горячими кирпичами, китайскую ширму и чей-то удушающий кашель.

Во время первой школьной практики половина учеников забрали из училища документы и навсегда зареклись переступить порог учебных заведений. Как выяснилось, многие панически боялись «сцены», детей и не могли солировать целых сорок пять минут у доски. Анна уговаривала однокурсников не пороть горячку и рассказывала анекдот, как одна дама пришла домой и завопила: «Аааааааа! Ааааааа, аааааа! Ааааааааааа, аааааааааааааааааааааа!» Муж

отложил газету, спустил на кончик носа очки и попросил кратко объяснить, что случилось. Мадам села, сложила руки на коленях и тихо произнесла: «А».

Поначалу студенты, даже не пытаясь скрыть зевки, наблюдали за первоклашками. За тем, как по слогам читают басню о вороне и зубрят правила ухода за комнатными растениями. Сравнивают числа с помощью жуков и бабочек и встраивают между ними знаки «больше» и «меньше». Через неделю стали давать уроки самостоятельно. Один из парней смог произнести только фразу:

– Уравнение – это равенство, в котором есть неизвестное число, – а потом на полусогнутых подкатил к Ане и объявил: – Дальше тему продолжит Анна Ивановна.

Шепнул абсолютно сухими губами:

– Я забыл, что говорить, выручай.

Анна вышла и мастерски перевела урок в плоскость сказки «Цветик-семицветик».

Она готовилась к каждому уроку, как к спектаклю, и, бывало, репетировала перед зеркалом, как будет доносить переместительный закон сложения или рассказывать о кладовых земли. Рассыпала по банкам песок, глину, каменный уголь и гранит. Тащила из дома все: отрезки тканей, пуговицы, липкую ленту, картон и даже обои, заваливавшиеся на шкафу. Вспоминала профессоршу, утверждавшую, что настоящий учитель ради яркого и образного урока вынесет из дома все.

Одна из практиканток написала на доске «траНвай» вместо «траМвай». Учительница схватилась за свой воротник, и на парту посыпались крохотные пуговицы, прятанные под отворотом. Приставным шагом направилась к девушке и что-то смущенно шепнула. Та снисходительно ответила:

– Вы разве не знаете? Проверочное слово – траНспорт!

На следующий день оригиналка ляпнула на уроке математики:

– Дети, что я вам вчера задом надавала?

А проходя сложение и вычитание в пределах двадцати, на полном серьезе предложила детям представить четыре руки вместо двух и тут же сообразила задачу:

– В кухне на полке стояли двадцать пачек соли. Одну съели за обедом, одну – за ужином. Сколько пачек соли осталось?

Как потом ей ни доказывали абсурдность задачи – ведь невозможно слопать пачку соли за один присест, даже если в семье двадцать восемь человек, – она ни с какими доводами не соглашалась.

Характеристики в училище сочиняли всем преподавательским составом. Педагоги, рассевшиеся за круглым столом, болтали в чае сдобными сухарями и высказывались о каждом выпускнике. Половине не рекомендовали устраиваться на работу в школу, аккуратно подталкивая к пробам себя в чем-то еще: в выпекании булочек, разбивке фруктового сада, проведении массовых праздников и свадеб, но никак не уроков.

Когда вошла Аня, члены педсовета расплылись в улыбках, а боящаяся сквозняков Бабушка объявила:

– Деточка, вы словно бутон розы, уже прекрасны, но станете еще краше, когда полностью распуститесь.

Позже Анна в шутку переспрашивала у коллег:

– Как думаете, я уже распустилась?

В их вялом провинциальном городке мест в школах не оказалось. Ветераны отечественной педагогики держались за свои указки и таблицы мертвой хваткой и даже вышедшие на пенсию и вставившие в уши слуховые аппараты продолжали заполнять табеля и проводить родительские собрания, заканчивая их на обязательной позитивной ноте, как того требовал

педсовет. В июле Анна обегала все учебные заведения и отчаялась. Ее распирало от знаний, идей, замыслов, но не было возможности их применить. Сентябрь уже подошел вплотную, и по утрам отчетливо пахло вспотевшими листьями, яблочным повидлом и желудями, а она все так же рассиживалась дома, не представляя, каким образом может стать полезной. В один из тягостных дней к ним заглянула знакомая и обмолвилась, что уже третий сезон торгует в Москве. Мама оживилась, загремела парадными чашками и попросила подругу взять дочь с собой. Здесь ловить нечего, все равно год в пролете, а там на свежем воздухе позанимается арифметикой и заработает денег. Анна, занятая рисованием туч и таблиц с правилами удара, рассеянно разболтала кистями прикорнувшую зеленоватую воду и уставилась на отца. Папа нервно хрустнул не то зубом, не то яблоком.

В поезде ехали долго, с трудом пережив расстрелянную из дробовика ночь. Сперва ввалились одни таможенники, после другие. Раздали декларации и потребовали пересчитать золотые кольца и серьги в ушах. Посветили под полками фонариками и перекинулись плоскими шутками с проводниками. Утром тетка, согласившаяся на подобную авантюру, встала не с той ноги. Поначалу молча смотрела в окно на сдающие кросс овсяные и ячменные поля, потом с каким-то напускным безразличием доедала свою курицу-гриль, под конец схватила журнал и погрузилась в чтение, держа глянecь верх ногами.

В общежитие направлялись не проронив ни слова. Аня впервые попала в большой город, спустилась в метро и почувствовала себя ничего не значащей песчинкой. Казалось, если этот четырнадцатилинейный подземный спрут надумает пошевелить хотя бы одним щупальцем, от нее не останется и следа. Люди наседали со всех сторон и напоминали монголо-татарскую орду. Мелькали стриженные и заросшие затылки, картузы, шапки, кашне и высокие женские прически, зафиксированные шпильками. Любопытные, заостренные, плоские и почти что чебурашьи уши, грузинские и с лукообразным кончиком носы, выпуклые и скошенные лбы. Все это море человеческих голов, плеч и шей бурлило, икало, сморкалось, кашляло, шипело и расходилось на четыре эскалаторных рукава.

Ане постоянно хотелось плакать. Тетку передергивало от меланхоличности «уездной барышни», поэтому решила обойтись без реверансов:

– Слушай сюда, вечером ко мне должен прийти молодой человек, так что в общежитие дорога заказана. Вот тебе адрес квартирной хозяйки, а работу найдешь сама.

Анна машинально кивнула, черкнула взглядом по болотным, будто обшитым вещевым мешком, стенам станции метро «Тимирязевская» и пристроилась в хвост «орды». Оказавшись на улице, попросилась в первую же торговую палатку.

На следующий день позвонила домой и на ходу сочинила перспективную работу и аренду квартиры в новостройке премиум-класса. Папа, услышав о ее местонахождении, кричал в трубку о парке «Дубки» и о ее долге прогуляться по дубраве и зайти в храм Святителя Николая у Соломенной сторожки. Анна, с трудом сдерживая рыдания, клятвенно обещала подышать благотворным дубовым воздухом, покормить уток и помолиться у Иверской иконы Пресвятой Богородицы. Затем вышла из телефонной будки, насухо утерлась и юркнула в продуваемую всеми ветрами палатку, в которую нанялась за пятьдесят рублей в день.

Торговля шла бойко. Озабоченные москвичи и гости столицы охотно останавливались и покупали шоколадку, жвачку, сок, баночку колы или спрайта. Странно ухмылялись, получая из ее рук сдачу. Возвращались за салфетками или конфетой на палочке. Пытались девушку разговорить, а услышав, что хохлушка, приобретали еще один батончик. К вечеру, наторговав пачку денег, с гордостью вручила ее в руки бухгалтерши, но грузная усатая армянка с волосами, как у царицы Саакануш, оказалась недовольной. Указала Ане на ящик из-под Coca-Cola, а сама раздраженно защелкала кнопками калькулятора, будто хотела надавать им шелбанов. Сделала переучет и объявила недостачу в пятьдесят долларов. Девушка – в слезы. Бухгалтерша, крепко сжимая ее запястье, позвонила хозяину-сыну, и тот приехал через две минуты, словно караулил

за углом. Зацокал, застыдил, припугнул, и Анна, будучи в отчаянии, достала из бюстгальтера все свои деньги.

С этого инцидента началась ее московская жизнь. В шесть утра девушка надевала фартук и снимала его только перед последней натруженной электричкой. Около полуночи спускалась под землю, проезжала с закрытыми глазами две станции и старалась побыстрее выбраться наружу, остерегаясь крыс. В начале девяностых об этом говорили во всех новостях и демонстрировали чуть ли не метровых мутантов по соседству с водоплавающими белыми тараканами. Где-то она даже читала, как крысиная чета с особым изяществом и смекалкой воровала куриные яйца. Дама ложилась на спину и мордочкой закатывала яйцо себе на живот, а кавалер волоком тащил ее в нору за хвост. После грызуны, видимо, готовили себе глазунью и дружно смеялись, издавая самобытный ультразвук.

Выходя из метро, Анна попадала на отсыревшую от недостатка солнца улицу, напичканную сигаретными и пивными ларьками, поднималась щербатой лестницей с коротковатой одиннадцатой ступенькой и юркала в крохотную комнатнушку, снятую у матери-одиночки за тридцать пять рублей в день. Складывала в носок отложенную десятку, ужинала купленной в переходе ватрушкой с чаем, мылась в тазу, так как хозяйка экономила горячую воду, и ложилась лицом к стене. Старалась не думать о киноуроках и контрольных, о поездках в деревню и воскресном борще, заправленном для вкуса старым пожелтевшим салом.

Дней через десять, вернувшись домой, Анна не обнаружила ни своего знакового синего носка, ни заначки. Перерыла все. Книжную полку, дорожную сумку, заглянула под половики и под матрас. Расплакалась, высморкалась и влетела в кухню, чтобы выбросить бумажный платок. В ведре под яичным контейнером и грильяжно-трюфельными фантиками виднелась синяя резинка. Она выудила свой тайник, но тот оказался абсолютно пустым. Подросток, сидя за столом и уминая яичницу, с нескрываемым интересом наблюдал за ее сумятицей. Девушка не удержалась:

– Ты взял мои деньги?

Тот снисходительно улыбнулся и демонстративно накрыл хлеб лепестком ветчины, как персидской шалью. Откусил, медленно пережевывал, закатывая от удовольствия глаза:

– А как докажешь?

Анна усилила напор:

– А кто еще мог стащить деньги, кроме тебя? Как у тебя поднялась рука, ведь это все мои сбережения!

В этот момент в кухню вплыла квартирная хозяйка и приняла «боксерскую позу»:

– Значит так, дорогуша. Я не позволю в своем доме называть ребенка вором. Раз ты такая умная, да еще частный детектив в придачу, собирай свое барахлишко и проваливай.

Анна стояла на лестничной клетке и пыталась справиться с начинающейся мигренью. Внутри все дрожало, казалось, что к каждому органу подвели переменный электрический ток. В голове усиливался шум, сквозь который прорывались какие-то голоса. Мужской заботливо уточнял: «И куда ты дальше?» Женский невпопад отвечал: «Я не умею топить печь».

Девушка оттягивала свои пустые карманы и косилась на почтовые ящики. Вспоминала, что телефонную карточку забыла в прихожей на тумбочке. Дешевый целлофановый дождевик – тоже, а еще заколку и серебряное колечко, подаренное отцом в честь окончания школы.

Спустя время вышла из подъезда и подежурила под козырьком. На улице моросил дождь, обкалывая мир какими-то сложными наркотическими препаратами, и шастали подозрительные личности. Какая-то птица имитировала скрип подвальной двери. За ней охотилась полулысая кошка в серых струпьях. Несостоявшаяся рысь подпрыгивала и билась головой о мусорный бак, видимо, страдая от оптических галлюцинаций. Неожиданно какой-то мужик приволок большую коробку, и кошка переключилась на двуногого, с трудом потащив за ним свои парали-

зованные задние лапы. Анна дождалась, чтобы хозяин вместе с одичавшим животным отошли на безопасное расстояние, подхватила свой импровизированный дом и поволокла на верхний этаж. Там прислонила к стене, залезла внутрь и долго плакала, покуда, истощенная, не уснула.

Девушка жила в коробке почти неделю. Надевала на себя всю одежду и принимала позу эмбриона. Спала урывками, вздрагивая от каждого взлета и падения лифта. Выползая, ощущала себя карликом из «Твин Пикса» и старательно разминала ноги, встряхивая их на манер гигантского градусника. Умывалась влажной салфеткой, возила по зубам дешевой пастой, а по волосам – щеткой. Старалась не вдыхать запах яичницы из квартиры слева и блинчиков из топленого молока из жилья напротив. Не слушать плотные душевые струи, компанейский стук вилок, задор утренних программ с неизменной рубрикой «Счастье есть» и заботливое коридорное: «Возьми зонт». Подхватив дорожную сумку, направлялась к метро и становилась за прилавком. Изредка поднимая голову, наблюдала облака в виде гигантских лохматых собак, молочных ягнят и красноперых рыб. Стесняясь засаленных волос и несвежего дыхания, делала короткий, едва уловимый выдох, кивала очередному покупателю и отсчитывала сдачу. Ближе к полуночи возвращалась в свою «бонбоньерку».

На пятый день возле ее точки остановилась интеллигентного вида старушка. Седовласая, припудренная, в неуместном боа и шляпке, затянутой филейными кружевами. Мадам купила крохотный шоколадный батончик и бутылку воды, начертила на асфальте круг, шагнула в него, словно в гнездо, и участливо спросила:

– Деточка, ну как тебе здесь? Вижу, совсем худо?

У Анны вырвалось несвойственное:

– Ад не такой раскаленный, каким его себе представляют.

Старушка почему-то обрадовалась, сняла перчатки и зачирикала:

– Я комнату сдаю. Недорого. Двенадцать рублей в день. Хотите?

Анна придержала левое дергающееся веко и прошептала:

– Очень хочу.

В этот момент откуда ни возьмись ее палатку окружила стая бабочек-репейниц и мелко захлопали сотни оранжевых крыльев. Анна раскрыла ладони, и парочка насекомых доверчиво устроила привал.

Старушка оказалась дальней родственницей «шоколадного короля» Федора Карловича Эйнема, возглавлявшего кондитерскую фабрику «Эйнем», производившую лучшие чайные пряники, пастилу и карамель. Вечерами, когда Анна отогревалась после центрифуги ветров, прибывших со стороны Дмитровского шоссе и Тимирязевского леса, хозяйка с ностальгией рассказывала о коммерсанте, приехавшем из небольшого германского городка в новую страну и решившем закрутить здесь «авантюру». Сперва он занимался пилёным сахаром и поставлял варенье для армии. Со временем построил фабрику и установил новейшую паровую машину. Нанял крестьян, поселил их в новых светлых общежитиях и назначил невиданную по тем временам заработную плату в размере двадцати рублей. Кормил в фабричной столовой, уменьшил рабочую смену с пятнадцати часов до десяти, основал больничную кассу, установил в цехах вентиляцию, организовал драмкружок и хор. Назначил пожизненную пенсию. С каждого проданного фунта нового печенья жертвовал пять копеек серебром на немецких сирот.

– Он слыл большим оригиналом. В коробки с эксклюзивными конфетами, оформленные репродукциями картин Врубеля и Бенуа, вкладывал фирменные салфетки и специальные щипчики. Экстравагантно рекламировал продукцию, изображая на плакатах крепенькую девочку с пустышкой, уверенно перешагивающую через Москву-реку и направляющуюся на фабрику «Эйнем» за легким бисквитным печеньем. Нанял Карла Фельдмана, и тот написал «Кекс-галоп», чтобы любой покупатель вместе с карамелью или шоколадом мог получить ноты бесплатно. Пускал над городом дирижабль с надписью «Эйнем».

Со временем грянула революция. Фабрику отобрали, национализировали и переименовали в «Красный Октябрь». Написание рекламных стихов доверили Маяковскому, а народу заткнули рты дешевыми ирисками «Кис-Кис».

Морозы ввалились в город в середине октября и затянулись на пять недель. Ртуть на градусниках размялась, отжалась и шуганула вниз, зафиксировав минус двадцать четыре. Снег падал обильно, и хозяйка, с детским восторгом выглядывая в окно, ностальгически замечала:

– Раньше снег в Москве источал легкий аромат арбузов.

В палатке стало невыносимо, и Анна, возвращаясь домой, полвечера отсиживалась у батареи. С трудом переносила резкие контрасты – из стылого уличного холода в жарко натопленную квартирку. Роясь в сумке в поиске ключей, уже с порога ощущала жар, исходящий от обитых войлоком дверей, запах черного грузинского чая и только что испеченного медовика. Хозяйка пекла его часто, талантливо, пропитывала кремом из отвешенной сметаны, и по всему подъезду витал аромат гречишного меда и почему-то ладана. Однажды, наблюдая, как квартирантка непослушными пальцами отсчитывает свои гроши, запротестовала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.